

ФЛЭШМЕН

ПОД КАБЛУКОМ

«Флэшмен держит марку!»
Guardian

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛД ФРЕЙЗЕР

Записки Флэшмена

Джордж Фрейзер
Флэшмен под каблуком

«ВЕЧЕ»

1977

Фрейзер Д. М.

Флэшмен под каблуком / Д. М. Фрейзер — «ВЕЧЕ»,
1977 — (Записки Флэшмена)

ISBN 978-5-9533-5152-2

Лондон, 1842 год. Героя Афганской войны капитана Флэшмена ждет очередной экзотический вояж: Сингапур, Суматра, Ява, Борнео, Мадагаскар. Бескрайняя лазурь океана, небо, где всегда рассвет, ослепительно-белые чайки, лениво разгоняющие прибрежный туман, коралловые острова и леса, полные разноцветных хамелеонов. Красотища! Но Флэши по себе знает – любая внешность обманчива. Эти земли толком никто не исследовал, а стало быть, жди беды. Британскому офицеру предстоит встретиться с белым раджей Саравака, сразиться с пиратами Скранга, прикоснуться к культуре и политике людей, поклоняющихся палке, завернутой в шелк, и плюющихся через смертоносные трубки. А кроме того, ему грозит участь игрушки в лапах чудовища, коллекционирующего бравых флэшменов. Мадагаскар не Европа. Здесь все вверх тормашками. Так что оставь надежду, европеец, сюда входящий...

ISBN 978-5-9533-5152-2

© Фрейзер Д. М., 1977

© ВЕЧЕ, 1977

Содержание

Записки Флэшмена	6
Пояснительная записка	7
I	10
II	29
III	44
IV	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джордж Макдоналд Фрейзер

Флэшмен под каблуком

George MacDonald Fraser

Flashman's lady

© George MacDonald Fraser, 1969

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2011

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

«Если и было время, когда я чувствовал себя как „астроном, в чей взор вливается новое светило“, так это было тогда, когда я читал о Флэшмене».

П.Г. ВУДХАУЗ, создатель Дживса и Вустера

«Если вам не приходилось читать про Флэшмена... Что ж, даже не знаю, стоит мне жалеть вас или завидовать, поскольку впереди вас ждет по-настоящему отличное чтение».

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН, автор бестселлера «Игра престолов»

«Я прочту все, что напишет Джордж Макдоналд Фрейзер. Он великолепен!»

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ, автор книг о стрелке Шарпе

Записки Флэшмена

Флэшмен

(1839–1842: Англия, Индия, Афганистан)

Флэш по-королевски

(1842–1843, 1847–1848: Англия, Германия)

Флэш без козырей

(1848–1849: Англия, Западная Африка, США)

Флэшмен на острие удара

(1854–1855: Англия, Россия, Средняя Азия)

Флэшмен в Большой игре

(1856–1858: Шотландия, Индия)

Флэшмен под каблуком

(1842–1845: Англия, Борнео, Мадагаскар)

Флэшмен и краснокожие

(1849–1850, 1875–1876: США)

Флэшмен и Дракон

(1860: Китай)

Флэшмен и Гора Света

(1845–1846: Индийский Пенджаб)

Флэшмен и Ангел Господень

(1858–1859: Индия, Южная Африка, США)

Флэшмен и Тигр

(1878–1894: Англия, Австро-Венгрия, Южная Африка)

Флэшмен на марше

(1867–1868: Абиссиния)

Посвящается К, 6

Пояснительная записка

С тех пор как десять лет назад мемуары Флэшмена, достопамятного задиры из школы Рагби и славного вояки Викторианской эпохи, впервые вышли на свет, становясь известными публике по мере вскрытия и редактирования пакетов с рукописями, возник вопрос, весьма волнующий многих читателей. Опубликованные до настоящего времени пять томов следуют друг за другом в хронологическом порядке, начиная с 1839 года, когда Флэшмен был изгнан из школы и поступил в армию, заканчиваясь 1858-м, когда он благополучно пережил Сипайское восстание. Но далеко не все годы указанного временного отрезка нашли свое освещение в изданных книгах: первый временной разрыв находится между знакомством нашего героя с Бисмарком и Лолой Монтез в 1842–1843 годах и участием Флэшмена в Шлезвиг-Гольштейнском вопросе в 1848-м; другая лакуна начинается в 1849 году, когда мы последний раз видим его на пристани Нового Орлеана в компании пресловутого капитана Спринга, преподавателя из Оксфорда, доктора наук и работаргольца, и простирается сей пробел до 1854-го, призвавшего Флэшмена на службу в Крым. Звучат вопросы: что же происходило в «пропущенные годы»?

Шестой пакет «Записок Флэшмена» позволит отчасти удовлетворить это любопытство, поскольку описывает удивительные приключения автора в 1842–1845 годах. Из рукописи становится ясно, как случайная заметка в спортивном разделе одной из газет привела к тому, что он изменил своему обычному стремлению к хронологии, решив заполнить пробел, относящийся к ранним годам. Можно сделать вывод, что неоткрытые до настоящего времени пакеты содержат мемуары о восстании тайпинов, Гражданской войне в США, а также о борьбе с сиу и зулусами. (Впрочем, когда офицер морской пехоты США сообщил мне, что анналы его корпуса содержат недвусмысленные сведения об участии Флэшмена в Боксерском восстании 1900 года, я уже затрудняюсь предугадать, куда еще могут завести нас его эскапады.)

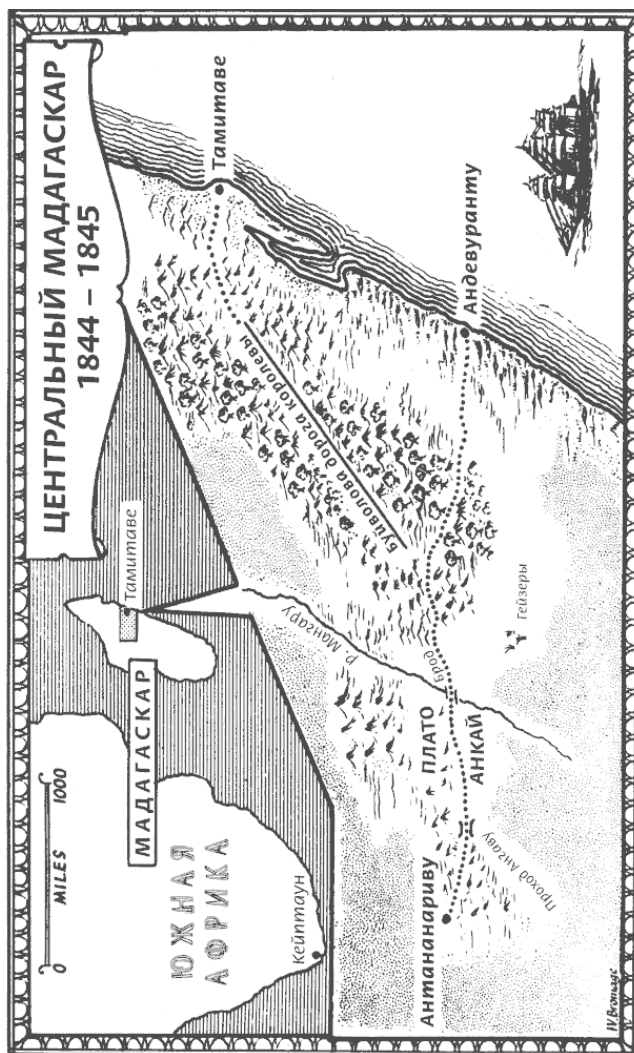
По нашему мнению, с исторической точки зрения настоящий том ценен сразу в трех областях. Во-первых, он совершенно уникален как рассказ о спортивной жизни ранневикторианской Англии (где Флэшмен играет выдающуюся, хотя и не увенчанную лаврами, роль). С другой стороны, здесь вы найдете описание очевидца той невероятной, давно забытой частной войны, в процессе которой кучка джентльменов-авантюристов продвигала на восток имперские границы Великобритании в 1840-е годы. И наконец, книга проливает новый свет на фигуры двух выдающихся деятелей того времени: первая из них – легендарный создатель Империи, вторая – африканская королева, заслужившая нелестное сравнение с Калигулой и Нероном.

Маленький нюанс, способный вызвать интерес всех, изучавших ранние мемуары Флэшмена, состоит в том, что издаваемая рукопись содержит следы легкой редакции – как и один из предыдущих томов, – осуществленной рукой свояченицы автора, Гризели де Ротшильд, видимо, вскоре после его смерти в 1915 году. Она подкорректировала резкие выражения автора¹, в остальном же оставила рассказ старого солдата без изменений и даже обогатила его в некоторых местах выдержками из личного дневника своей сестры Элспет, жены Флэшмена, со своими колкими замечаниями на полях. Учитывая наличие столь примечательной редакции, я ограничился добавлением приложений и примечаний, с удовольствием отметив про себя, что отчет Флэшмена об исторических событиях, как всегда, точен, по крайней мере, насколько это можно проверить.

Дж. М. Ф.

¹ Не везде. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. переводчика.*

I

Ну вот, опять они талдычат про необходимость менять правило «ноги перед калиткой». Не знаю, чего им надо, потому что не выйдет ничего путного, пока они не вернуться к старому закону, гласящему: «Если ты подставил ногу под мяч с целью воспрепятствовать его попаданию в шест калитки, ты выбываешь» (и поделом, ч-т тебя раздери). Куда же проще, скажете вы. Так нет, эти бараны из клуба Мэрилебон скребут затылки, толкуя то про линии подачи, то про точки приземления, и Б-г знает еще про какую чушь. В итоге они исключают одно слово, добавляют другое, а дело остается таким же запутанным, как раньше. Кучка вздорных баб.

А все из-за тех щитков, что носят теперь отбивающие. Когда я играл в крикет², наши драгоценные лытки не защищало ничего, кроме штанов, и если тебе хватало глупости подставить свое колено под бросок ребят типа Эльфи Минна – без разницы, перед калиткой ты находишься или сидишь в своей беседке – с поля ты так и так уйдешь: с ногой в гипсе. Сейчас же все носятся с синяками, как курица с яйцом, а этот фанфарон Грейс верещит как резаный, стоит быстрому мячу просвистеть рядом. Хотел бы я поставить его сторожить калитку сухим летом, когда поле твердое, как камень, и чтобы мы с Минном подавали ему свои фирменные – тогда никому в голову не пришло бы называть его «чемпионом», смею вас уверить. Борода старого у-ка поседела бы после двух серий бросков. То же самое с этим жирным черным навабом³ и щенком Фраем.

Из вышесказанного вы можете понять, что я сам был не отбивающим, а подающим, причем, осмелюсь заявить, ч-ки классным – старые результаты подтвердят мои слова. Семь из тридцати двух с «Джентльменами Кента», пять из двенадцати с «Англией XI», и изрядное количество очков за подачи в дальний конец, под самый башмак бэттера⁴. Отбивающим я тоже был бы неплохим, но, как уже говорилось, рискованным делом было оказаться напротив шустрого парня в старые времена, когда зона калитки сильно утаптывалась. Скажу вам не таясь, никогда я не становился против по-настоящему хорошего подающего, не обмотав ноги шерстяными шарфами (под бельем) и не прикрыв причиндалы оловянной суповой тарелкой. Спорт – это здорово, конечно, но вовсе не стоит позволять ему сделать вас непригодным для самой мужественной из игр. Нет-нет, ставьте меня отбивающим не раньше восьмого или девятого номера, когда неудачники и слабаки начинают тренировать свое косоглазие и можно без опаски орудовать битой, а потом, во втором иннинге, дайте мне этот самый мяч и место для разбега, и они у меня попляшут.

Вам может прийти в голову, что пристрастие старины Флэши к нашей великой летней игре *совсем* не вписывается в образ привычного героя из школьной книжки – розовощекого и мужественного, самоотверженно защищающего честь команды и оправдывающего доверие своего капитана, со страстью отдающегося веселому соревнованию мяча и биты, оглашая звонким смехом зеленый газон. Конечно, нет. Да здравствует личная слава и легкие калитки любой ценой, и к дь-лу честь команд – вот мой девиз, добавьте к этому несколько пари, заключаемых на лужайке и погоню за юбками после матча, предметом которой служат одержимые спортом леди, наблюдающие за нами, матерыми игроками, из-под своих зонтиков во время Кентерберийской крикетной недели. Вот где рождается дух, ведущий к победе, и припомните мои слова, размышляя о недавних наших конфузах в играх с австралийцами.⁵

² С правилами и терминологией этой игры можно ознакомиться в Приложении 1.

³ Наваб (набоб) – наместник провинции в Индии, в нарицательном смысле – богат.

⁴ Бэттер – отбивающий.

⁵ Поскольку большая часть «Записок Флэшмена» создана между 1900 и 1905 гг., весьма вероятно, что Флэшмен здесь имеет в виду квалификационную серию 1901–1902 гг., которую Австралия выиграла со счетом 4:1, и, возможно, матчи лета

Разумеется, я говорю как человек, учившийся крикету в золотое время, будучи еще жалким фагом⁶ в Рагби. Я подхалимничал, стараясь проложить себе путь наверх и сохранить шкуру в этих смертельно опасных джунглях. Если вы спросите, что страшнее – физический вред или моральная травма, буду счастлив ответить – я никогда не колебался в выборе, вот почему стал таким, какой есть, вернее, тем, что от меня осталось. Будучи маленьким мальчиком, я ловчил и изворачивался, стараясь уцелеть, а когда подрос, стал задира и тиранить других: диву даюсь, какого дь-ла я до сих пор не в палате лордов, с такими-то задатками? Но это так, между прочим; единственные две вещи, которым я действительно хорошо научился в Рагби – это выживание и крикет. Даже в нежном одиннадцатилетнем возрасте я сообразил, что хотя обман, лесть и взятки могут поспособствовать живучести, их совершенно недостаточно для завоевания репутации, а это вещь крайне необходимая. Для этого надо блистать в играх, и крикет был создан как раз для меня.

Не то чтобы я сразу зацепился за него, но другим большим спортом был футбол, а эта штука крайне опасна. Мои достижения в нем ограничивались тем, что я дохрамывал до кучи с запозданием, чтобы во весь голос заорать: «Играйте же, ребята, давайте! Ах, опять эта нога меня подвела!» А сталкиваясь в единоборстве с парнями крупнее меня хотя бы на дюйм, я преднамеренно валился на траву, издавая героические вздохи и вопли.⁷ По сравнению с ним крикет – игра мирная и спокойная, без риска получить коленом в пах – и я достиг в нем весьма серьезных успехов.

Все это я говорю без ложной скромности: вам, должно быть, известно, что у меня есть три других превосходных дара – к верховой езде, языкам и соблазнению. Но они у меня от рождения, и хвастать ими смысла нет. Зато игроком в крикет я стал в результате собственных трудов, трудов ч-ки тяжких – видимо, поэтому, озирая мысленным взором плоды и достижения своей богатой на события жизни: медали, рыцарские шпоры, сбережения в наличных, воинская слава, удовлетворенные женщины и все такое, я с особой гордостью вспоминаю про те пять калиток из двенадцати подач против лучшего отбивающего Англии или про ту славную серию в «Лордс»⁸ в сорок втором. Но обо всем по порядку, ибо именно здесь начинается эта история.

Наверное, опусти Фуллер Пилч свою битву долей секунды раньше, все повернулось бы совсем иначе. Пиратов Скранга не выкурили бы из их дь-ского гнезда, черная королева Мадагаскара, эта ненасытная ведьма, не досчиталась бы одного из своих любовников (пусть даже и лучшего, осмелюсь заметить), французы и англичане не обстреляли бы Тамитаве, а мне бы удалось избежать смертельного риска и мучительных пыток в самых невообразимых местах. О да, старина Фуллер несет изрядную долю ответственности за все это, да хранит его Господь. Но мы опять спешим: я собирался рассказать вам, как стал самым быстрым подающим в Рагби, вот об этом перво-наперво.

Началось все, как понимаете, в тридцатые, когда вошли в оборот круговые броски, а парни типа Минна стали вскидывать руку на высоту плеча. Это изменило игру как ничто иное, поскольку мы увидели, сколь быстрой может быть подача⁹ – а она и впрямь *была* быстрой: вы можете толковать про Споффорта и Брауна, но ни один из них не умел так выбивать пыль,

1902 года, в которых австралийцы сохранили за собой «Урну с прахом» (2:1). Именно в этом году была предпринята неудачная попытка пересмотреть вечно вызывающее споры правило «ноги перед калиткой». (*Комментарии редактора рукописи*).

⁶ Фаги (*жарг.* «прислужники, лакеи») – младшие ученики в английской привилегированной частной средней школе, выполнявшие поручения старшекласников. Должны были будить старших по утрам, чистить им обувь и т. п.

⁷ Поведение Флэшмена на футбольном поле ярко описано в «Школьных годах Тома Брауна», где Томас Хьюз рассказывает, как наш герой с опозданием подбегает к свалке, «орет и изображает бурную деятельность». (*Комментарии редактора рукописи*).

⁸ «Лордс» – старейшее крикетное поле в Англии, основанное родоначальником крикета – Томасом Лордом на севере Лондона.

⁹ В крикете применяются разные виды подачи: быстрая – на силу, и медленная – на технику. Соответственно и подающих различают как «быстрых» и «медленных».

как те старые мастера. Я видел, как пятеро ближних полевых и трое дальних готовятся подобрать подачу Минна, но тот пробрасывал их всех, и на отскоке мяч долетал до самых ворот «Лордс». «Вот мой билетик», – решаю я и начинаю осваивать новый стиль. Поначалу мной руководило стремление повеселиться: запускаешь эдак какому-нибудь остолопу мяч в ухо, а он не может дать тебе сдачи; но вскоре я уяснил, что против серьезного отбивающего этот номер не пройдет. Тогда я стал набивать руку, пока не научился попадать быстрым мячом в крону четыре раза из пяти, а по мере взросления, подача моя делалась еще стремительнее. Я был уже на полпути к титулу лучшего подающего, когда одним злосчастным вечером этот пуританский ханжа Арнольд подловил меня в пьяном виде и выпер из школы. За две недели до матча в Мэрилебон, заметьте! Разумеется, без меня они продули – вот свидетельство тому, что хотя трезвость и благочестие могут спасти вашу душу, но их совершенно недостаточно, чтобы побить всех в МКК¹⁰.

Так или иначе, на несколько последующих лет мне пришлось покончить с крикетом, поскольку я отправился в армию, побывал в Афганистане, где пережил ужасы отступления из Кабула и покрыл себя неуязвимой, хотя и незаслуженной, славой при обороне Джелалабада. Об этом я уже поведал ранее¹¹; достаточно сказать, что я всю эту ужасную кампанию отлынивал, тряся, спасал шкуру и молил о пощаде при первом удобном случае, но вышел из нее с четырьмя медалями, благодарностью парламента, удостоился личного приема у королевы и рукопожатия самого герцога Веллингтона. Просто удивительно, чего можно достигнуть при плохой игре, если умеешь зайти с правильной карты и напустить на себя в нужное время благородный вид.

Короче, в конце лета сорок второго я вернулся домой знаменитым, и с восторгом был встречен публикой и своей глупой женушкой Элспет. Упиваясь славой и популярностью, я наверстывал упущенное время по части разврата и кутежей, так что не имел времени для прочих дел. Но случилось так, что как-то раз я вечером прогуливался по Риджент-стрит – в руке трость, шляпа сдвинута на затылок, взгляд ищет, чем бы заняться, – и оказался напротив «Зеленого человека». Я остановился, лениво раздумывая – и в результате секундного замешательства оказался вовлечен, пожалуй, в одно из самых странных приключений в своей жизни.

Сейчас все изменилось, но в те дни «Зеленый человек» служил излюбленным местом сбора крикетистов, и вид бит, калиточных шестов и прочей амуниции пробудил во мне воспоминания и странную тоску – не поучаствовать в игре, нет-нет, а просто желание вновь ощутить ту атмосферу, услышать разговоры подающих и отбивающих, их жаргон и сплетни. Так что я завернул, заказал себе порцию рубца и кварту домашнего пива, перекинулся парой слов с курильщиками у стойки, и вскоре оказался настолько покорен уютом, веселым настроением и добродушным настроением этого места, что решил в качестве противоядия отправиться на Хай-маркет, подыскать себе девчонку погорячее. Время двигалось к ужину, и я собирался уже попросить официанта принести счет, как вдруг заметил парня, пристально наблюдавшего за мной через зал. Поймав мой взгляд, он поднялся со стула и подошел.

– Скажите, – говорит, – а вы не Флэшмен?

Вопрос прозвучал настороженно, словно ему самому не хотелось, чтобы догадка подтвердилась. Со мной подобное случалось сплошь и рядом, все кругом увивались вокруг героя Джелалабада, но этот малый на подлизу не смахивал. Высокий, с меня ростом, загорелый, с квадратным подбородком, подтянутого вида, словно ему не привыкать к холодным ваннам и десятимильным прогулкам. Меня бы не удивило, окажись он истинным христианином и спортсменом, который целый день перед матчем сигару в рот не берет.

¹⁰ МКК – аббревиатура «Мэрилебонский крикетный клуб» – старейшая ассоциация крикета в Англии, ведущая историю с 1787 г.

¹¹ См. книгу «Флэшмен».

Так что я прохладно кивнул и поинтересовался, что за дело ему до меня.

– А ты изменился, – с ухмылкой говорит он. – Видно, не узнал меня?

– И с какой это стати ты мне сдался? – отвечаю. – Эй, официант!

– Нет, благодарю, – заявляет парень. – Я свою сегодняшнюю пинту уже выпил. В сезон никогда не позволяю себе лишнего. – И этот с-н сын усаживается за мой стол, эдак словно у себя дома.

– Отлично, рад слышать это, – говорю я, поднимаясь. – Прошу простить, но...

– Постой, – смеется он. – Я Браун. Том Браун, из Рагби. Только не говори, что не помнишь меня!

Сказать по совести, так оно и было. Это сейчас имя его ажурным вензелем вписано в моей памяти – после того как Хьюз в пятидесятые пропечатал свою адову книженцию, – но это все в будущем, а тогда я никак не мог его вспомнить. Да и не особенно старался: парень излучал мужественность и открытость, которых я на дух не переношу, а одет был в твидовую куртку (готов поклясться – он ею лошадь чистил) и спортивное кепи – совершенно не мой стиль.

– Ты однажды поджарил меня на очаге в общей комнате, – дружелюбно заявляет он, и тут-то я его живо вспомнил и смерил расстояние до двери. Беда с этими маленькими сопляками, которых ты жучишь в школе – они вырастают здоровенными верзилами, занимаются боксом и, как назло, всегда находятся в отличной форме. По счастью, этот, видно, превратился не только в атлета, но и в христианина, вполне усвоив идиотскую доктрину Арнольда: «Возлюби врага твоего», – так что когда я торопливо выразил надежду, что это не нанесло ему серьезного ущерба, Том добродушно рассмеялся и похлопал меня по плечу.

– Э, все это древняя история. Мальчишки есть мальчишки, не так ли? А еще, знаешь, ли, мне даже хочется перед тобой извиниться. Да-да, – он качает головой, выглядя совершенным придурком. – Сказать по правде, – продолжает этот невообразимый осел, – когда мы были маленькими, я даже знать тебя не хотел, Флэшмен. Ну да, ты обращался с нами, фагами, очень мерзко – сам знаешь. Конечно, думаю, все это было от недомыслия, но мы тогда считали тебя законченным подлецом и... и еще трусом.

Браун неловко заерзал, и мне подумалось, не слишком ли далеко он заходит.

– Но ты удивил нас всех, – Браун снова поднял глаза. – Я хочу сказать, то дело в Афганистане... то, как ты защищал наш флаг... ну и прочее. Святой Георг! – на глаза у него буквально навернулись слезы, – это было просто великолепно... и я думаю, что ты... Знаешь, никогда не слышал ни о чем более героическом, и мне хочется извиниться, старина, за то, что плохо думал о тебе... – каюсь, повинен в этом – и, если позволишь, я хотел бы пожать тебе руку.

Он сидел передо мной, вытянув вперед мускулистую клешню, с видом зачарованным и возвышенным, и благородство прямо-таки перло из него. Странное дело, но его разлюбезный дружок Ист, которого я почти так же славно поколачивал в школе, сказал мне почти то же самое, когда мы встретились с ним много лет спустя, будучи пленниками в России: исповедался, что проклинал меня, но теперь-де мои героические поступки уладили старые счета, и так далее. Даже не пойму: на самом ли деле они верили, что так и есть, или отдавали дань ханжеской моде, или и впрямь ощущали вину за свои дурные мысли обо мне? Остается только гадать – ибо, благодарение Б-гу, викторианская мораль находится за пределами моего понимания. Про себя знаю точно – если некто, причинивший *мне* зло, превратится в самого архангела Гавриила, я все равно буду ненавидеть у-ка. Но я, знаете ли, мерзавец, и мне недоступны благородные чувства. В любом случае я был рад, что этот здоровенный детина изъяснил готовность предать прошлое забвению, поэтому я мигом обратился во Флэши-очаровашку, от души стиснул его пятерню, выразив пожелание отступить хоть раз от своего правила и распить со мной по стаканчику.

– Ладно, согласен, – говорит он.

Когда принесли пиво и мы выпили за нашу дорогую старую школу (с его стороны, тост явно был искренним), он ставит кружку и заявляет:

– Есть еще одно дельце – сказать по правде, это было первое, что пришло мне в голову при виде тебя. Не знаю, конечно, как ты на него посмотришь – быть может, раны твои еще не зажили? – Он замялся.

– Давай, валяй, – говорю, предполагая, что ему, наверное, хочется познакомить меня со своей сестрой.

– Ну, быть может, ты не слышал, но во время последних лет моего пребывания в школе – когда я был капитаном – мы не на шутку сошлись с парнями из «Мэрилебон». Первый иннинг остался за ними, с разницей всего в несколько пробежек, но в итоге мы побили их, обойдя на очко. Тем временем старина Эйслби – помнишь такого? – был так впечатлен нашей игрой, что спросил, не смогу ли я выступить за честь Рагби – с командой бывших и сегодняшних – в матче против Кента. Ну, я подобрал нескольких нормальных игроков: ты знаешь молодого Брука, и Раггса, – и вспомнил, что ты был отличным подающим, и... Как ты посмотришь на предложение сыграть вместе – если здоровье позволяет, конечно?

Я был захвачен врасплох, и с языка у меня само собой сорвалось:

– Значит, ты решил, что народу соберется больше, если в игре примет участие герой Афганистана?

– Что? Б-же правый, нет! – он покраснел, потом рассмеялся. – Какой же ты циничный, Флэши! Знаешь, – продолжает он с задумчивым видом, – мне кажется, я начинаю понимать тебя. Еще в школе ты всегда говорил ехидные, резкие вещи, ранившие людей прямо в сердце – будто специально старался заставить их плохо думать о тебе. Но все не так, это не имеет ничего общего с правдой, да? Еще бы, Афганистан все расставил по местам. Немецкие доктора много работают над этим: извращенность человеческой природы, стремление совершенства к саморазрушению, героическая душа боится пасть с высоты и пытается избежать этого. Увлекательно, – Том важно кивнул своей башкой. – Подумываю, не заняться ли мне философией в этом семестре в Оксфорде, знаешь ли. Но это все пустые разговоры. Как насчет моего предложения, дружище? – и он, чтоб ему провалиться, хлопает меня по коленке. – Согласен ли ты помочь нам в «Лордс» своей знаменитой подачей?

Я собирался уже посоветовать ему засунуть свое предложение вместе с вонючими заграничными теориями куда подальше, но одно его слово остановило меня. «Лордс». Мне никогда не приходилось играть там, но найдется ли на свете хотя бы один игрок в крикет, что упустит такой шанс? Вы скажете, что то была детская забава по сравнению с играми, в которые доводилось мне играть потом, но должен признаться – сердце подпрыгнуло у меня в груди. Я был молод, впечатлителен и почти тут же ударил с ним по рукам в знак согласия. Том удостоил меня еще одного громогласного хлопка по плечу (ох, и любили поколошматить друг дружку эти задушевные чемпионы моей юности) и объявил, что дело решенное.

– Тебе, конечно, захочется немного потренироваться, – говорит он и наскоро прочитывает лекцию о том, как сам поддерживает себя в форме: пробежки, упражнения, отработка удара – все, как в школе. Отсюда его снова завернуло к минувшим золотым денькам: он ездил в прошлом месяце всплакнуть над могилой Арнольда (наш достопочтенный ментор сыграл в ящик годом ранее, и, на мой взгляд, вовсе не безвременно). Возбужденный перспективой игры в «Лордс», я был по горло сыт нашим благочестивым мастером Брауном и, когда мы стали прощаться на Риджент-стрит, не удержался от искушения вонзить шпильку под панцирь его самодовольства.

– Даже выразить не могу, как я рад видеть тебя снова, старина, – говорит он, пожимая мне руку. – Так приятно знать, что ты будешь играть за нас, конечно, но лучше всего было повстречать нового Флэшмена, если ты понимаешь, о чем я. Странно, – продолжает он, засунув большие пальцы за пояс, склонив голову и глядя на меня искоса мудрым взором, похожий

на сидящую на ветке сову, – это напоминает мне о том, что Доктор говорил на уроках конфирмации – про человека, возрождающегося вновь. Теперь такое случилось *с тобой – в моих глазах*, если ты понимаешь. Так или иначе, я чувствую, что стал лучше, чем был час назад. Да благословит тебя Господь, старина!

Я по-быстрому вырвал у него руку, пока он не заставил меня хлопнуться на колени для того, чтобы помолиться и хором пропеть «Просвети разум мой». Браун поинтересовался, куда я направляюсь.

– А, вниз, на Хаймаркет, – отвечаю я. – Намерен немного поупражняться.

– Отлично. Нет ничего лучше хорошей пешей прогулки.

– Ну да... Вообще-то, я собирался покататься верхом, знаешь ли.

– На Хаймаркете? – он нахмурился. – Но там ведь нет конюшен?

– Что ты: самые лучшие в городе, – говорю. – Несколько английских ездовых, но по преимуществу французские кобылки. Все в черном и красном шелке; отличное упражнение, только вот ч-ки утомительное. Не желаешь ли попробовать?

На мгновение он растерялся, потом понял, и лицо его сначала сделалось пунцовым, потом побелело. Мне показалось, что Том вот-вот упадет в обморок.

– О Б-же, – прохрипел он.

Я ободряюще похлопал его тростью.

– Помнишь Стампса Хэрроувелла, сапожника из Рагби, со здоровенными икрами? – Я озорно подмигнул ошарашенному Брауну. – Так вот там есть одна немецкая шлюшка, у которой ляжки даже больше. Она как раз с тебя весом – можешь попробовать свои силы.

Я со всевозрастающим удовольствием слушал булькающие звуки, доносящиеся у него из горла.

– Слишком сильно для нового Флэшмена, а? – спрашиваю. – Теперь тебе, наверное, жаль, что ты пригласил меня играть вместе с твоими благонаправными друзьями? Да вот только поздно, юный Том: мы ведь ударили по рукам, не так ли?

С трудом овладев собой, он сделал вдох.

– Можешь играть, если хочешь, – выдавил Браун. – Глупостью с моей стороны было спрашивать тебя, но если бы ты стал тем человеком, какого я надеялся найти, ты бы...

– Благородно передумал бы, избавив тебя от своей скверной компании? Нет-нет, мальчик мой: я буду там, в такой же прекрасной форме, как и ты. Но готов поспорить – мне мои упражнения приносят больше наслаждения.

– Флэшмен! – восклицает он, едва я повернулся. – Не ходи туда, в это место, умоляю тебя! Оно недостойно...

– Откуда тебе знать? – отмахиваюсь я. – Увидимся в «Лордс».

И я оставил его рыдать от христианского ужаса при виде закоренелого грешника, спешащего в бездну. Лучше всего было то, что муки его при мысли о моем грехопадении вряд ли были слабее тех, которые он испытал бы, если сам оседлал ту немецкую потаскуху – такова сила сострадания. Впрочем, ей все равно не вышло бы от него никакого проку.

* * *

То, что я развеял розовые мечты Тома, вовсе не говорит о несерьезности моего подхода к тренировке. Едва немецкая шлюха перевела дух и дернула за звонок, чтобы принесли чего-нибудь перекусить, я расположился на коврик, отрабатывая свой старый круговой бросок. Я даже заставил нескольких ее товарок бросать в меня апельсины, восстанавливая навык перехвата; вам ни в жизнь не увидеть такой уморительной картины: как эти раскрашенные куколочки скакали в своих корсетах, швыряясь плодами! Мы устроили такой переполох, что все посетители повысовывали головы из своих комнат, и закончилось все импровизированным иннингом

в коридоре – шлюхи против клиентов. Когда-нибудь, если не забуду, я разработаю правила бордельного крикета – самое пикантное в том, что вы не найдете их в «Уиздене»¹². Ясное дело, начался настоящий бардак: крушилась мебель, проститутки кричали и плакали, и вышибалы хозяйки выставили меня вон за устроенные беспорядки – по-моему, излишне суровая мера.

Впрочем, следующее утро застало меня в саду, с мячом. К своему удовольствию, я обнаружил, что прежние мои навыки остались при мне, сломанная в Афганистане нога не доставляла беспокойства, и моя тренировка увенчалась разбитым окном в столовой. Там мой тесть приканчивал свой завтрак; доедая кашку, он как раз читал про «бунты Ребекки»¹³, и поскольку большую часть своей жалкой жизни провел, трясясь от страха перед рабочими, и страдая нечистой совестью, при звуке бьющегося стекла тотчас решил, что толпа все-таки восстала и пришла вершить над ним свою суровую справедливость.

– Ч-тов варрвар! – зарокотал он на своем невообразимом шотландском наречии, выгуживая из баков осколки стекла. – Тебе бы только кого резать да калечить: ты ж мог меня убить! Делов, что ли, у тебя нету?

И он принялся разглагольствовать про беспутных тунеядцев, способных только прожигать время и деньги ради собственного удовольствия. Я же пожелал доброго утра Элспет, приступавшей к кофе, и, глядя на эти роскошные золотые пряди и нежную, как персик, кожу, корил себя, что тратил прошлым вечером силы на ту жирную фрау, когда у меня под боком такая красота.

– Отличную семейку ты выбрала для замужества, – бурчит чудо-предок моей благоверной. – Сынок кохряет почему зря имущество, а евоный папаша валяется наверху, нажравшись до бесчувствия. А что, тостов больше нету?

– Это, кстати, наше имущество и наша выпивка, – говорю я, накладывая себе почек. – И тосты тоже наши, если на то пошло.

– Да неужто, сынок? – отзывается тесть, как никогда напоминая злобного гоблина. – А кто за это платит? Только не ты и не твой транжира-отец. И придержи эти вздохи при себе, моя деточка, – обращается он к Элспет. – У нас все дела улажены, просто и ясно. Кто как не Джон Моррисон оплачивает счета своим шотландским серебришком, кровно нажитым, за этого твоего муженька и почтенного отца семейства? Не забывайте про это. – Он скомкал газету, мокрую от пролитого кофе. – Пр-тье, испортили мне завтрак! Наше имущество и наша выпивка, говоришь? Нос кверху да штаны в заплатках! – Моррисон вскочил, направившись к выходу, но обернулся. – И раз уж ты собираешься вести тутошнее хозяйство, девочка моя, позаботься, чтоб вместо этого французского варенья подавали мармелад! Кон-фи-тю! Тьфу! Деррьмо с сахаром! – И с грохотом захлопнул дверь.

– Ах, милый, – вздыхает Элспет. – Папа в дурном настроении. Какая жалость, что ты разбил окно, дорогой.

– Твой папа – недоумок, – говорю я, жадно поглощая почки. – Но раз мы избавились от него, давай-ка поцелуемся.

Как понимаете, наш семейный уклад был далек от привычного. Я женился на Элспет по принуждению, за два года до описываемых событий, когда злой рок занес меня в Шотландию и вышла наружу моя проделка с Элспет. Оставалось одно из двух – или идти под венец, или схлопотать пулю от ее чокнутого дядюшки. Затем, когда мой пьяница-сатрап, мой папаша,

¹² Ежегодный справочник по крикету, издается с 1864 г.

¹³ В данном случае память подводит Флэшмена, но совсем чуть-чуть. Так называемые бунты Ребекки начнутся несколькими месяцами позже, в 1843 году, когда тайное общество, известное как «Ребекка и ее дочери», развернет в Южном Уэльсе кампанию террора в знак протеста против высоких дорожных пошлин. Вооруженные люди, переодетые в женщин, в масках, нападали по ночам на пункты сбора и ворота, разрушая их. Название явно берет начало от библейской аллюзии: «И благословили Ревекку, и сказали ей... да владеет потомство твое жилищами* врагов твоих!» (Книга Бытия, 24:60). (См.: Алевин «Истории английского народа», т. 4, а также «Панч», предисловие к вып. 5 от 1843 г.)*В английском переводе Библии вместо «жилищ» значителся «врата». (Комментарии редактора рукописи).

потерял все на железнодорожных паях, старый Моррисон прибрал к рукам имущество Флэшменов, рассчитывая тем самым обеспечить будущее своей доченьки.

Веселенькое дельце, согласитесь вы, поскольку старый скряга ни мне, ни сатрапу не давал напрямую ни пенни, снабжая деньгами Элспет, к которой мне приходилось обращаться при малейшей надобности. Не то чтобы ее стоило упрекнуть в скупости, тем более что вдобавок к ослепительной красоте жена была тупа, как пробка, а меня просто обожала – или, по крайней мере, делала вид, хотя у меня на этот счет стали зарождаться сомнения. Она была весьма охоча до постельных игр, и во мне крепло сомнение, что во время моего отсутствия Элспет готова покататься на простынях с первым подвернувшимся под руку парнем, да и когда я дома, тоже не обделяет других своими щедротами. Как уже сказано, это были только сомнения – они и остаются таковыми даже сейчас, шестьдесят лет спустя. Беда в том, что я искренне любил ее на свой лад, и вовсе не исключительно плотски – хотя лучшей штучки в постели и желать нельзя. И, несмотря на то, что я изрядно покобелировал и в Лондоне, и по всему миру, ни одна другая женщина не могла сравниться с ней. Ни Лола Монтез, ни Лакшмибай, ни Лили Лангтри, ни дочь Ко Дали, ни герцогиня Ирма, ни Разгоняющая Облака, ни Валентина, ни даже... даже... выбирайте сами, но до Элспет им всем далеко.

Прежде всего, она была счастливейшим существом на земле, и ее до смешного легко было порадовать: Элспет наслаждалась жизнью в Лондоне, представлявшей собой разительную перемену по сравнению с могильным покоем местечка, где жила раньше, – оно называлось Пэйсли. Учитывая ее внешность, мои свежезавоеванные лавры и – в первую голову – шекели старого Моррисона, нас принимали повсюду, предав забвению ее «торговое» происхождение – не бывает таких нонсенсов, как немодный герой и недостойная наследница миллионов. Для Элспет это все было как бальзам на душу, так как такого маленького сноба нескоро встретишь, и стоило мне объявить, что я буду играть в «Лордс», в присутствии элиты спортивного сообщества, она пришла в полный восторг. По ее мнению, появился повод приобрести лишнюю шляпку или платье и покрасоваться в новом оперении перед толпой. Будучи шотландкой и мало в чем разбираясь, она решила, что крикет – джентльменская игра. Не стану отрицать, определенные круги света придерживались подобного мнения уже тогда, но лишь те, которых нельзя было отнести к сливкам общества: сельские бароны и сквайры, процветающие джентри¹⁴, быть может, какой-нибудь свихнувшийся епископ – короче, деревня. В ту пору крикет считался вовсе не таким уважаемым спортом, как сегодня.

Одной из причин тому служило то, что в нем процветали пари и ставки доходили до невероятных высот – мне известно про пятьдесят тысяч фунтов, поставленных на один-единственный иннинг, при том что параллельно били по рукам по мелочи – на гиней и так далее, – споря, сколько калиток возьмет Марсен или сколько мячей перехватят слипы¹⁵, или когда Пилч наберет пятьдесят очков (и наберет ли вообще). При таких деньгах можете себе представить, что не обходилось без темных делишек и обороты были такими, что у дельцов из Сити волосы встали бы дыбом: матчи продавались и покупались, игрокам сулили взятки или расправу, шустрили и с калитками (мне лично известны одиннадцать уважаемых людей, которые всей шайкой тайком пробрались на поле и хорошенько помоч-сь на зону калитки, чтобы их твистеры¹⁶ лучше ложились; я еще тогда подцепил жуткую простуду). Разумеется, коррупция в те славные денечки не являлась повсеместной или даже преобладающей, но имела место – и что бы не заявляли пуристы, тогда в крикете присутствовали жизнь и напор, которых сейчас нет и в помине.

¹⁴ Джентри – английское мелкопоместное дворянство.

¹⁵ Слип – полевой игрок, располагающийся сразу за калиткой с целью перехватить мяч.

¹⁶ Твистер – крученая подача.

Да и *выглядело* все иначе. Вот я закрываю глаза и вижу «Лордс» таким, каким он был тогда, и знаю: когда воспоминания об альковных и военных подвигах померкнут и покроются пеленой забвения, это зрелище никогда не потеряет своей яркости. У ворот скопление экипажей и карет, разодетая толпа устремляется к дому Джимми Дарка¹⁷ под деревьями: девицы в своих разноцветных платьях, шляпах и с зонтиками от солнца похожи на порхающих бабочек, мужчины, рассаживающие их по стульчикам, облачены кто в цилиндр и фрак, кто в полосатую куртку и кепи. Джентри застегнуты на все пуговицы, а «городские» и хулиганы красуются в рубашках с рукавами и котелках, с неизменными цепочками от часов и короткими трубочками. Букмекеры занимают места снаружи павильона, призывая делать ставки, ловчицы с шикарными баками и в расшитых жилетах, наводчики, карманники и прочие жулики шныряют в толпе, как хорьки, разносчики из паба мелькают с подносами пива и лимонада, выкрикивая: «Дорогу, дорогу, господа!»; старый Джон Галли, отставной боксер, возвышаясь, словно раскидистый дуб, со своей мягкой улыбкой на губах, ведет беседу с Альфредом Минном, чей алый шарф и канотье магнитом притягивают юнцов-идолопоклонников, держащихся на почтительном отдалении от этих спортивных гигантов. Группы прокладывают путь некоему престарелому герцогу – все кивают и приподнимают цилиндры – шествующему под ручку с очередной пассажиршей: последняя сладко напوماжена и с вызовом смотрит на леги, бросающих ей вслед полные презрения взгляды. Собравшиеся развлекаются игрой в кегли и стрельбой из лука, и звук спускаемой тетивы смешивается с доносящейся издали мелодией в исполнении артиллерийского оркестра, криками продавцов, скрипом колес экипажей; на зеленом поле, с которого ребята Стиви Слаттера¹⁸ сгоняют забредшую овцу или отваживают игроков, готовых сыграть за шиллинг, стрекочут сверчки; толпа в десять рядов собирается у сеток, где Пилч тренируется в работе с битой, или Феликс, подвижный, как давнее ему имя животное¹⁹, подает свои медленные мячи, висающие в воздухе целую вечность.

Иногда мне представляется летний вечер: игроки в белых шляпах гурьбой уходят с поля, сопровождаемые аплодисментами из-за ограждения, и ребятишки мчатся вперед, чтобы поклониться кумирам, в то время как старые хрычи у павильона кричат: «Хорошая игра!» и поднимают пивные кружки. Капитан кидает какому-нибудь восторженному пацану мяч – тот будет всю жизнь хранить эту реликвию, – а счетчик слезает со своего насеста. Длинные тени ложатся на эту идиллическую сцену спортивной жизни старой Англии; судьи вытаскивают из земли шесты, на ветвях распевают птички, сумерки опускаются на землю, укрывая павильон, опустевшие скамьи и купу ив, притулившихся за овчарней, где Флэши кувыркается в высокой траве с дочкой трактирщика. О да, крикет в наши дни был настоящим крикетом.

За исключением последней сцены, имевшей место в другой раз, все выглядело абсолютно точь-в-точь тем вечером, когда «Джентльмены из Рагби», включая вашего покорного слугу, вышли играть против сливок Кента (против нас ставили двадцать к одному, и то никто не соглашался). Поначалу я опасался полного отчуждения, но большинство моих товарищей по команде вели себя крайне вежливо – чего же еще ожидать по отношению к Афганскому Гектору? – хотя уязвленный Браун был подчеркнута холоден, как и Брук. Последний в мои юные годы был главой школьничков и являл собой гордость Арнольда – требуется ли дополнительная характеристика? Это был стройный, симпатичный парень, он посещал церковь, не имел нечестивых мыслей, был добр к животным и старушкам и стал мичманом на флоте. Что с ним случилось, не имею понятия: надеюсь, он скрылся с украденными казенными деньгами и адмиральской женой и основал публичный дом где-нибудь в Вальпараисо. Они с Брауном

¹⁷ Джеймс Дарк много лет являлся зрителем поля «Лордс».

¹⁸ Стив Слаттер – более сорока лет работал в обслуживающем персонале «Лордс».

¹⁹ Феликс – намек на сходство имени с латинским *felis* (кошка).

вполголоса переговаривались между собой в павильоне, бросая на меня косые взгляды – сокрушались, надо полагать, о грешнике, так и не вставшем на путь исправления.

Потом пришло время выходить на игру. Браун выиграл жеребьевку и выбрал отбивать – это означало, что следующий час я провел у кресла Элспет, стараясь приглушить ее идиотские замечания об игре и дожидаясь своей очереди. Это заняло некоторое время, так как то ли кентцы не слишком настроились на игру, то ли Брук с Брауном оказались лучше, чем представлялось поначалу, только они пережили бешеный вихрь атак Минна, а когда дошло до парней поплотше, начали с изрядной легкостью набирать очки. Хочу отдать должное Брауну – ему удавалось принимать ч-ки тяжелые мячи, а у Брука был отличный удар. Они отразили тридцать мячей до первой сбитой калитки, и другие наши отбивающие оказались не хуже, так что к концу иннинга мы набрали семьдесят очков, и я распрощался со своей благоверной, которая жутко злила меня, обращаясь к соседям с репликами, что ее муж скоро покажет себя, ведь он такой сильный и ловкий. Я заглянул в павильон, схватил принесенную прислужником кружку эля, но едва успел пригубить, как сбивают еще две калитки, и Браун говорит:

– Тебе выходить, Флэшмен.

Взяв стоявшую у флагштока биты, я стал прокладывать путь сквозь толпу, с любопытством взирающую на нового игрока, и вышел на траву. Если вам приходилось участвовать в этом, то вы не забудете тишину, пока идете к калитке, расположенной так далеко; иногда раздаются жидкие хлопки и выкрики: «Давай, приятель!» Вокруг веревок ограждения располагается еще какая-то часть зрителей, а полевые занимают свои места, едва удостоив тебя взгляда. Мне все это было знакомо, но когда я перешагнул через канаты и поднял глаза, «Лордс» воистину поразил меня. Вокруг просторного поля с изумрудной травой, ровного как бильярдный стол, собралась огромная масса народа – рядов десять – а за ними плотно, колесо к колесу, расположились экипажи, битком набитые леди и джентльменами. Вся эта орда притихла и ждала; солнечные лучи бликовали от тысячи очков и биноклей, нацеленных на меня, – это дь-ски нервировало на столь открытом месте, мой пузырь вдруг оказался переполненным, и мне очень захотелось вернуться назад, под сень гостеприимной толпы.

Вы, наверное, сочтете странным, что это волнение не отпускает меня и сегодня – как никак, моя трусливая натура переживала и более серьезные потрясения: зулусские импи²⁰, казачья конница, всадники сиу – все на свой лад старались нарушить нормальную работу моего кровообращения и нервной системы. Но тогда я на сцену выходил не один, да и страх тот совсем другого рода. Незначительные на вид испытания зачастую бывают так тягостны, потому что ты знаешь, что от них никак не отвертеться.

Продлилось это ощущение не более секунды – я сглотнул и, помедлив, шагнул вперед. И случилось удивительное. По рядам людей пробежал ропот, затем он усилился до крика и превратился вдруг в оглушительный рев: казалось, что сама земля задрожала. Леди повскакали с мест, размахивая платками и зонтиками, мужчины кричали «ура» и размахивали шляпами, подпрыгивая в своих экипажах; и посреди этого гомона духовой оркестр грянул «Правь, Британия!», и я понял: они не нового игрока приветствуют, а чествуют героя Джелалабада. От изумления меня буквально зашатало. Тем не менее я овладел собой, вскинул в ответ свою белую биты сначала направо, потом налево и поспешил к своей калитке, как и подобает скромному герою.

Там был юркий маленький Феликс, со своими школьными баками и в очаровательном мальчишеском кепи. Он скромно заулыбался и помахал мне рукой – Феликс, величайший отбивающий в мире среди джентльменов, заметьте, подвел меня к калитке и призвал команду Кента издать троекратное «ура» в мою честь. Потом опустилась тишина, и постукивание моей биты по ямке отдавалось неожиданно громко. Полевые присели на позициях. «О, Б-же, –

²⁰ Вооруженные отряды зулусов.

думаю я, – это серьезная переделка, и мне кровь из носу надо добыть несколько очков после такого-то приема». И, внутренне весь сжавшись, я посмотрел на Альфреда Минна.

В лучшие времена он был верзилой – шесть футов и почти двадцать стоунов, с лицом красным, словно поджаренный бекон в гарнире из черных баков. В тот миг он показался мне настоящим Голиафом, и если вы скажете, что человек не может сойти за башню с расстояния в двадцать пять ярдов, то значит, вы не видели молодого Эльфи. Тот улыбался, лениво подкидывая мяч, казавшийся в его могучей ладони не более чем вишенкой, и притоптывал одной ногой – прямо-таки рыл землю, ей-богу! Старина Эйслби кивнул мне, прохрипел «Играем!», и я крепче ухватил биту, а Минн, сделав шесть быстрых шагов, взмахнул рукой.

Я видел мяч в его ладони, на высоте плеча, и затем что-то просвистело мимо моего правого колена, и не успел я поднять биту, как кипер уже перекинул мяч стоящему наготове Феликсу. Я в ужасе сглотнул, ибо готов был поклясться, что даже не видел, как летела эта пр-тая штуковина. Кто-то из зрителей закричал: «Здорово зевнули, сэр!». Футы в четырех от меня оседало облачко пыли: видно, сюда он и приземлился. «Г-ди И-се! – подумал я. – Только бы не попал!» Феликс стоял в каких-нибудь десяти футах от меня и не отрывал глаз от моей ноги; Минн снова взял мяч, проделал шесть коротких шагов и я подался вперед, зажмурив глаза и стараясь выставить биту туда, где в прошлый раз взметнулась пыль. Бита подпрыгнула от мощного удара, едва не вывернув мне руки, я открыл глаза и обнаружил, что мяч высоко взвился над калиткой.

– Побежали! – заорал Брук.

Честное слово, я хотел, но ноги отказывались служить, и Брук вернулся назад, качая головой.

«Это надо остановить, – думаю, – пока меня не изувечили насмерть». Паника, смешанная с яростью и гневом, обуяла меня, когда Минн развернулся снова. Он подбежал к черте, взмахнув рукой, и я метнулся в отчаянном прыжке, размахивая что есть мочи битой. Резкий щелчок и мгновенное облегчение подсказали мне, что я отбил низкий мяч с внешней стороны в полную силу, и он, должно быть, уже где-нибудь над Уилтширом – пять пробежек, не меньше. Я готов был сорваться с места, но заметил, что Брук не пошевелился, а Феликс, который со своей позиции полевого разве в карман мне не заглядывал, пожимает плечами и улыбается мне, лениво подкидывая мяч левой.

Один сатана знает, как он сумел поймать эту ч-ву хре-ну – да она должна была лететь как ядро из пушки. Но Феликс даже бровью не повел, и мне не осталось ничего иного, как поковылять обратно в павильон под сочувственный гул толпы; я помахал в ответ битой и приподнял шляпу. В конце концов, я подающий и то хотя бы один раз отразил удар. И встретил лицом к лицу три мяча Альфреда Минна.

Мы закончили отбивать, набрав 91 очко, и Феликс «выловил» Флэши. Счет неплохой, но «Кент» обещал легко обойти нас. Будь это матч в один хэнд, так, скорее всего, и случилось бы. Досадуя на себя за ноль – как же это я не заработал очко на втором мяче? – я был тепло принят в павильоне, поскольку все знали, с кем имеют честь. Несколько человек даже пожали мне руку, а леди любовались моей статной фигурой и перешептывались между собой под зонтиками. Элспет была в восторге от моего мужественного обличья, но недоумевала, почему я вышел, когда калитка моя цела, – разве не она цель игры? Я пояснил, что мой мяч перехватили в воздухе, она же сочла это нечестным и заявила, что тот коротышка в кепи – большой жулик, на что джентльмены вокруг разразились смехом и предложили ей испытать пунша с содовой и обратиться в комитет с жалобой на правила.

В преддверие нашего выхода на поле я ограничился бокалом пива, стараясь быть в форме к подачам, но трек-тый Браун не спешил выпускать меня – не сомневаюсь, считал распутника

недостойным начинать овер²¹. Я сделал вид, что меня это не волнует, и, расхаживая вдоль ограждения, болтал со зрителями, красноречиво пожимая плечами, когда Феликс и его парни здорово отбивали мяч, а это случалось почти при каждой подаче. Я заявил зевакам, что нам не хватает задора, и вскинул руку; они же в ответ разразились криками: «Даешь Флэша! Да здравствует Афганистан!» и так далее, что было весьма любезно с их стороны.

Мне удалось привлечь к себе внимание леди из расположенных поблизости экипажей, и я настолько увлекся, подмигивая и красуясь, что прозевал длинный отскок и получил за это нагоняй от Брауна. К этому времени пара пташек начала подпевать городским, так что над полем поднялся форменный гвалт: «Даешь Флэша!», в котором сливались низкий бас и высокое сопрано. Наконец Браун не выдержал и махнул мне. Толпа взвыла, а Феликс спокойно, как всегда, улыбнулся и приготовился отбивать.

В целом он отбивал мою первую серию с осторожностью, заработав только одиннадцать очков – намного меньше, чем я заслуживал. Еще бы, волнуясь, я подавал с жуткой силой: первый мяч прошел на уровне его головы, а три последующих легли с кошмарным недолетом. Зрителям это пришлось по вкусу, как и Феликсу – чтоб его! – первую подачу он не достал, зато вторую отбил на четыре очка, срезал третью, а четвертую запустил прямо в экипажи у павильона.

Толпа смеялась и ликовала, Браун тем временем кусал от досады губы, а Брук разочарованно хмурился. Но они не могли убрать меня, не дав закончить серию. Я заметил, как Феликс сказал что-то партнеру, и тот хохотнул. На исходную я шел насупившись и прихлопывал кулаком от досады, при виде чего зрители развеселились пуще прежнего.

– Подсыпь им афганского перчика, Флэши! – вопил один.

– Орудия к бою! – горланил другой.

Я размял кисть, сдвинул на затылок шляпу, и народ опять разразился криками.

Когда Браун пригласил меня подавать второй раз, гул стоял нестерпимый: они ждали продолжения веселья. «Так вы его получите, ребята», – думаю я, подбегая к черте. Толпа следила за каждым моим шагом. Первый мой мяч приземлился в аккурат посередине площадки, высоко взмыл над головой отбивающего и они сделали три пробежки. Это снова поставило против меня Феликса, и я пошел назад, стараясь не слышать криков и ворчания Брауна. Я повернулся и уже по приподнятым плечам Феликса понял, что тот намеревается отправить мой мяч аж до самых деревьев. Я сфокусировал взгляд на точке, расположенной на линии с внешней стойкой калитки, – он был леворукий, а стало быть, для моих правых подкруток калитка оставалась открыта, как амбарные ворота, – и твердо решил подать самый лучший, самый быстрый мяч в своей жизни.

Таким он и стал. Я уже говорил, что был хорошим подающим, а эта подача получилась самой лучшей, можно сказать, неберущейся. Первую я испортил специально, чтобы окончательно убедить всех, что они имеют дело с тупым пулялой, в котором мозгов не больше, чем градусов в несвежем пиве. Готовясь ко второй, я всеми фибрами устремился к цели, вложив в бросок почти все силы, но без излишества, чтобы не сбить мяч с пути. И в тот миг, как он вылетел у меня из ладони, Феликс был обречен. Признаюсь, мне повезло, что точка приземления оказалась лысой; мяч просвистел у него на уровне стоп, в то время как Феликс ждал его на высоте уха, и не успел соперник дернуться, как столбик калитки отлетел прочь.

От рева зрителей вздрогнули небеса; Феликс шел за мной, качая головой и бросая на меня озадаченные взгляды, тогда как товарищи по команде хлопали меня по спине, и даже Брук не удержался, закричав: «Отлично подано!». Восхищение я принимал с видимым безразличием, но в голове крутилась мысль: «Б-же мой, Феликс! Феликс!» Ту калитку я и на титул пэра не променяю. Затем мне предстояло вернуться на землю, так как толпа уже приветствовала

²¹ Серия подач в крикете.

нового игрока, и я, подобрав мяч, оказался напротив высокого угловатого малого с длинными руками и укороченной битой.

Мне приходилось наблюдать Фуллера Пилча за игрой в Норвиче – я тогда был совсем юнцом, – когда он побил Марседена из Йоркшира в однокалиточном²² чемпионате Англии. Если можно считать, что у меня был герой детства, так это как раз Пилч – лучший среди профессионалов своего времени, а может, и всех времен, хотя мне сдается, этот новичок Родс ему не уступит. «Ладно, Флэш, – думаю, – терять тебе нечего, так вперед!»

Знаете, история с Феликсом – пример отлично выполненной подачи, но случившееся далее – простое везение, и ничего кроме. Не знаю как, но это случилось, и вот как все было. Я ч-ки постарался, чтобы повторить предыдущий великий успех, но на этот раз подал еще быстрее, вследствие чего получился недолет. То ли Пилча сбила с толку скорость, то ли отскок получился выше, чем полагалось по здравому разумению, не знаю, но он промедлил долю мгновения и тем самым подписал себе приговор. Его бита не опустилась на землю вовремя, мяч отскочил от нее прямо вперед и вверх, и я буквально распластался на поле с руками и ногами, пропахав носом борозду. И все-таки едва не промазал: мяч сам собой влетел мне между большим и указательным, и в следующий миг меня уже хлопали по спине, «городские» визжали во весь голос, а Пилч, отвернувшись, досадливо стучал битой.

– Ч-тов грунт! – бурчал он. – У этого Дарка метлы, что ли, нет?

И я готов был с ним согласиться.

Тут я, как понимаете, оказался на вершине: Феликс, а потом – Пилч! Во всем мире не осталось места для подвигов – так я полагал – ибо что способно сравниться с теми двумя славными ударами? Мои внуки, если они родятся, не поверят! Святой Георг, нужно скупить все выпуски спортивных газет за следующий месяц и обклеить ими спальню старого Моррисона! Однако лучшее было еще впереди.

На линию выходил Минн. Вижу его, как сейчас, и в памяти моей всплывает строфа Мак-лея, написанная в том самом году:

«Раздался возглас: „Астур!“ – и вот через ряды походкой величавой проходит вождь Луны».

Да, это был Альфред Великий от «а» до «й», статный и величественный, препоясанный алым кушаком и с битой размером с небольшое весло. Проходя мимо, Минн одарил меня широкой улыбкой и встал на позицию, лениво обводя взором поле. Сдвинув соломенную шляпу на затылок, он кивнул рефери, старому Эйсльби, который, дрожа от возбуждения, вскричал: «Игра!»

Можете быть уверены – я не рассчитывал превзойти свои недавние достижения, но подать намеревался как можно лучше. Готовясь к разбегу, я подумал вдруг: «Старина Эйсльби – человек Рагби, и взялся за это дело исключительно ради чести своей школы. Он, ясное дело, честен, как Бог, но, как все энтузиасты, видит то, что хочет видеть, разве не так? А Минн настолько здоров, что попасть в него – дело плевое, если есть желание и подача быстра». Все эти мысли пронеслись в моей голове, пока я двигался к калитке: Феликса я одолел благодаря мастерству, Пилча – с помощью везения, Минна же попробую уделать коварством – или погорю на попытке. Я буквально распластался у линии, запустив превосходный мяч: идеально по дальности, но на фут в сторону от ближней к нему стойки. Мяч подпрыгнул, Минн шустро отступил, пропуская его, но тот чиркнул ему по икре. В этот миг я уже метнулся на три фута в сторону, закрывая Эйсльби видимость, и, разворачиваясь в прыжке, закричал во весь голос:

– Ну, что там, сэр?

²² То есть при игре, когда используется одна калитка вместо двух. В такой игре команда может состоять из меньшего количества участников – от одного до шести.

Подающий, имеющий честь называться джентльменом из Рагби, не станет апеллировать к судье просто так. Пучеглазый идиот Эйслби ни ч-та не видел, поскольку моя плотная фигура находилась как раз между ним и местом преступления, но пришел к выводу, что, раз я обращаюсь к нему, значит, на то есть веская причина. Так я и рассчитывал: когда старина Эйслби протер слезящиеся глаза, Минн вернулся на исходную, оказавшись как раз напротив калитки. И судье надо было обладать более чем человеческими способностями, чтобы не поддаться соблазну и не произнести слово, которое страстно желали услышать все, за исключением Эльфи.

– Выбыл, безоговорочно! – воскликнул Эйслби. – Выбыл! Выбыл!

Начался бедлам: зрители ревели, а товарищи по команде кинулись на меня, устроив кучумалу. Даже Браун жал мне руку и хлопал по плечу с криком: «Вот это здорово подано, вот это подача, Флэши!» (Отсюда мораль: пока ты способен сбивать калитки, таскайся по шлюхам сколько влезет – никто тебе и слова не скажет.) Подошел Минн, качая головой и бросая укоризненные взгляды на Эйслби, – Эльфи знал, что решение несправедливое, но изображал на багровом лице улыбку, как и полагается настоящему ослу-спортсмену. А потом он сделал то, что стало притчей во языцех: снял шляпу и с поклоном протянул ее мне.

– Такой трюк стоит новой шляпы на каждый день, юноша, – говорит.

Будь я пр-т, если понял, *какой именно* трюк имеет он в виду²³, да не особенно и вникал. Знаю только, что правило ноги перед калиткой бывает в отдельно взятых случаях очень полезным.

После всего этого оставалось проделать только одно. Заявив Брауну, что испытываю боли в руке: «ревматизм после афганской раны, скорее всего... как жаль, как раз игра пошла... так болит... вот ведь невезение... полевым можно, хотя...» (У меня совсем не было желания схлопотать от какого-нибудь кентца мячом ни за что ни про что.) Так что я отправился на позицию дальнего полевого, сопровождаемый восхищенными овациями зрителей, которые принял с надлежащей скромностью, помахав в ответ шляпой Минна, и наслаждался славой до самого конца матча, проигранного нами с разрывом в четыре калитки. («Вот если бы этот красавец Флэшмен мог подавать постоянно, а? Тогда „Кент“ разделали бы под орех. Говорят, что в правой руке у него до сих пор сидит пуля из джезайля? Нет, это рана от копья – говорю то, о чем читал в газете», и т. д. и т. п.)

После чего в павильоне рекой лилось пиво, сопровождаемое поздравлениями на все лады: Феликс жал мне руку, кивая на свой застенчивый манер головой, а Минн поинтересовался, намерен ли я провести следующий год в Англии: если армия не найдет мне применения, у него оно найдется – намек на совместное участие в Большой Кентерберийской крикетной неделе. Это было в высшей степени лестно, но мне сдается, что самой большой похвалы я удостоился, когда Фуллер Пилч сел на скамью со своей кружкой и добрые две минуты, нахмутив лоб, пристально смотрел на меня, не говоря ни слова.

Даже трясущийся герцог подошел поздравить меня и сказал, что мой стиль в точности напомнил ему его собственный.

– Я не говорил тебе, дорогая, – обращается он к своей скучающей пироженке, которая, прячась под зонтиком и подавляя зевок, показывала мне свой хорошенький профиль, одновременно оценивающе глядя в мою сторону краем глаза, – что бросок мистера Флэшмена очень напоминает подачу, поданную мною Боклерку в Мэйдстоне в шестом году? Я нацелил ее во

²³ Это самое первое упоминание в спортивных и вообще литературных источниках термина «хет-трик» («трик со шляпой»), означающего умение подающего сбить последовательными подачами три калитки, за что ему по традиции полагалась новая шляпа. В наши дни это словосочетание получило, разумеется, широкое распространение за пределами крикета, подразумевая три последовательных успеха любого рода – хет-трик из голов в футболе или побед на выборах, к примеру. Любопытно отметить не только то, что фраза произошла от импульсивного жеста Минна в адрес Флэшмена, но и что поначалу она носила ироничный характер. (Комментарии редактора рукописи).

внешнюю стойку, сэр, подловив его на возвратном движении, как понимаете. Мяч упал с недолетом и врезался в центральную стойку, развалив калитку напрочь. Ха-ха! А, что?

Мне удалось отговорить старого идиота от демонстрации своего подвига, и его гурия, оказав поддержку, не упустила возможности прижаться ко мне своим пышным плечиком.

– Надеюсь, вы не лишите нас удовольствия видеть вас следующим летом в Кентербери, мистер Флэшмен, – промурлыкала она, и старый пень, удаляясь с ней под ручку, верещал: «Да, да, превосходная идея!»

Я решил не упускать ее из виду, придя к выводу, что за зиму она может прикончить своего старикашку.

Только выйдя из ванной и приступая к пуншу из бренди, я поймал себе на мысли, что не видел Элспет с самого конца матча. Это было странно, поскольку не в ее правилах было упускать шанс понежиться в лучах моей славы. Я оделся и обошел все вокруг – никаких следов: ни среди редющей толпы, ни у павильона, ни за чайными столиками для дам, ни в нашем экипаже. Кучер тоже ее не видел. У паба было настоящее столпотворение, но вряд она направится туда... Тут кто-то потянул меня за рукав, и, обернувшись, я увидел рядом высокого, краснощекого субъекта с черными, похожими на пуговицы глазами.

– Мистер Флэшмен, мое почтение, сэр, – говорит он, толкнув свою плоскую шляпу тростью. – Извиняйте за вольность. Тигг, Дедалус Тигг, так меня все кличут. Агент и счетовод для господ из джентри, – и сальными пальцами протягивает мне визитку. – Имея шанс, дорогой мой сэр и спортсмен, спешу засвидетельствовать свое почтение, и...

– Благодарствую, – говорю. – Но пари меня куда не интересуют.

– Дорогой мой сэр! – расплывается Тигг в улыбке. – Ажно и в мыслях не держал! – и призывает в свидетели своих дружков, целую шайку. – Моим сильнейшим желанием, дорогой сэр, было пригласить вас разделить со мной мою удачу, благо и вам она сопутствовала. А для начала пропустим по глоточку этой французской шампани – кое-кто называет ее пудельковой м-чой, но когда сие подают в лучших заведениях таким парням, как мы, – в самый раз, сэр. Винсент, принеси-ка бокал нашему отважному...

– В другой раз, – отвечаю я, пытаюсь отеснить его плечом, но плут набрался нахальства схватить меня за руку.

– Погодить-ка, сэр! – кричит. – Минуточку, это было лишь вежливое начатие. Меня переполняет желание пожаловать вашему превосходительству...

– Убирайтесь к дь-лу! – не выдержал я. От него несло бренди.

– ...сумму в пиисят гоблинов²⁴ в знак величайшего моего почтения и восторга. Винсент!

И чтоб мне провалиться: проныра, стоящий рядом с ним, протягивает мне одной рукой бокал с шампанским, а другой – пачку банкнот. Я обомлел.

– Какого ч-та?..

– Исключительно из уважения, – говорит Тигг. Разговаривая со мной, он слегка пошатывался; запах перегара, покроя сюртука, цепочка от часов на расшитом шелковом жилете, яркий цветок в петлице – все указывало на его плебейский вкус, зато маленькие глазки на жирной физиономии были остры, как буравчики. – Вы добыли их для меня, дорогой мой сэр. И еще кучу сверху, будь я пр-т. Раззе не так? – Его присные, сгрудившись вокруг, одобрительно загудели и подняли бокалы. – Своим собснным потом – прошу прощения, сэр – выступившим на вашем челе, и своей великолепной правой: вы выбили Феликса, Пилча и Альфреда Минна тремя поддачами, сэр. Гляньте-ка.

Винсент, повинаясь движению указательного пальца, бросил бокал и раскрыл кожаную сумочку, висевшую у него на поясе. Она была набита банкнотами и монетами.

²⁴ Соверены (сленг).

– Вы это заслужили, сэр. Ага. Когда вы вышибли Фуллера Пилча – ну разве не отличный мяч, а? – я грю Толстому Бобу Нэпперу, которого все признают за короля чета-нечета: «Нэппер, – грю, – во отличный поддающий, слышь? Чё дашь, если он выбьет Минна с первой поддачи?» «Чепуха, – грит тот. – Трех подряд – никада! Тыща к одному, и плати щас». Щедрое предложение, соглсситесь?

Пройдоха подмигнул и шмыгнул носом.

– Я кладу фунт – и вот она нэпперова тыща, наличью – и полссотни из нее причитаюца вам, отважный сэр, с наилучшими пожеланиями от Дедалуса Тигга, ик-сквайра, агента и счетовода джентри, который предлагает выпь-пить за... – он поднял бокал и пьяно рыгнул. – Прось-ссите, ваше превосходительство, ч-вы огурцы, – за самую оп-па...ссную правую руку в срременном крикете! Гип-гип-гип... ура!

Против воли я развеселился, глядя на этого скота и его банду – пьяные букмекеры и жулики настолько увлеклись кутежом, что совершенно забыли про приличия.

– Спасибо на добром слове, мистер Тигг, – говорю я, поскольку не грех быть вежливым с букмекером, а настроение у меня было отличное. – Можете выпить на эти деньги за мое здоровье. – И я решительно отодвинул его, отчего он тяжело плюхнулся на землю, прямо в лужу из дешевого шампанского. Сами едва стоящие на ногах, приятели Тигга сгрудились, поднимая его. Не то чтобы мне некуда было деть полсотни, но кому захочется иметь дело с парнями такого сорта, тем более брать от них деньги? Я помчался дальше под аккомпанемент криков: «Удачи, сэр! За молодчину Флэша!» Приступив к дальнейшим поискам Элспет, я все еще улыбался, но, когда дошел до полигона, где стреляли из лука, улыбка стерлась с моего лица. На длинной аллее между ограждениями стояли двое: Элспет и высокий мужчина, сжимавший ее в объятиях.

Я замер, онемев. По трем причинам. Во-первых, я был изумлен. Во-вторых, судя по внешности, этот скот был здоровяком: такие массивные плечи, облаченные в шикарного кроя сюртук (дорогой, похоже). И в-третьих, я тут же сообразил, что Элспет является не только моей женой, но и источником существования. Пицца для размышлений, как видите. Но прежде чем я успел поразмыслить хоть мгновение, они повернулись, и мне стало видно, что Элспет занята тем, что натягивает тетиву дамского лука, хихикая и очаровательно дурачась, а ее спутник, расположившись рядом, показывает, как надо держать руки, для чего ему, само собой, приходится обнимать ее, прижимая головку Элспет к своему плечу.

Все совершенно невинно – кому это знать как не мне, столько раз пользовавшемуся подобными ситуациями для того, чтобы зажать или ущипнуть красотку?

– А, Гарри, – кричит она. – Где ты пропал все это время?! Знаешь, дон Соломон учит меня стрелять из лука. А я представляю собой такое печальное зрелище!

Подтверждая свои слова, она дернула тетиву, неловко повернула держащую лук руку и с притворным ужасом запустила стрелу в ограду. – Ах, дон Соломон, я совершенно беспомощна, если вы не держите мои руки!

– Это моя вина, дорогая миссис Флэшмен, – спокойно говорит он. Обвив ее, Соломон помог ей нацелить лук на меня. – Но вот является Марс, который, не сомневаюсь, может лучше меня послужить учителем для Дианы. – Он улыбнулся и приподнял шляпу. – Ваш покорный слуга, мистер Флэшмен.

Я кивнул, подчеркнуто холодно, и бросил на него взгляд поверх носа – это оказалось непросто, так как он был одного со мной роста и раза в два крупнее: дородный, если не сказать толстый, с мясистым улыбчивым лицом и превосходными былыми зубами, сверкающими на фоне смуглой кожи. Даго²⁵, видать, может, даже азиат – волосы и баки у него были иссиня-черные и курчавились, а в походке его, вопреки массивной туше, читалась присущая латиносам

²⁵ Даго – презрительное американское прозвище для лиц испанского и латиноамериканского происхождения.

вычурная грация. И похоже, из важных, судя по одежке: булавка с бриллиантом в галстук, пара колец на толстых коричневых пальцах, и – Б-г ты мой! – даже маленькое золотое колечко в ухе. Полуниггер, как пить дать, и из тех, что богаты к тому же.

– Ах, Гарри, нам было так весело! – прошебетала Элспет, и сердце мое екнуло, стоило мне взглянуть на нее: золотые сережки под вычурным беретом, розовые щечки на молочно-белом личике; вся ее невинная красота выразилась в том, как она рассмеялась, взяв меня за руку. – Дон Соломон учил меня играть в боулинг и стрельбе – пусть и безуспешно! – и развлекал меня: ведь крикет такой скучный, когда ты не играешь, а эти противные кентцы все отбивают и отбивают, и...

– Что? – я оторопел. – Ты хочешь сказать, что не видела моих подач?

– Ах, нет Гарри, но мы ведь так хорошо провели время среди этих развлечений, ели мороженое и, хоп-ля... – она продолжала лепетать, а черномазый вскинул брови, с улыбкой переводя взгляд то на меня, то на нее.

– Вот так так, – начинает он, – боюсь, я отвлек вас от вашего долга, дорогая миссис Флэшмен. Простите меня, – дон поворачивается ко мне, – что до сих пор не представился. Дон Соломон Аслам, к вашим услугам. – Он кивает и взмахивает платочком. – Мистер Спидикат, ваш приятель, насколько мне известно, представил меня вашей очаровательной супруге, и я взял на себя смелость предложить... небольшую прогулку. Если бы я знал, что вас это расстроит... Но скажите: вам сопутствовала удача?

– Ну, не без этого, – отвечаю я, весь кипя при мысли, что, пока я демонстрировал свои способности, Элспет таскалась в компании этого сального парня. – Феликс, Пилч и Минн в три подачи: можете назвать это удачей. А теперь, дорогая, если мистер Соломон извинит нас...

К моему удивлению, он расхохотался.

– Назову ли я это удачей? Да я, наверное, сплю – такого не могло случиться!

– Почему же, – вскидываюсь я. – Я разбил калитку Феликса, перехватил мяч Пилча и попал Минну в ногу перед калиткой. Но это, вероятно, ни о чем не говорит иностранцу...

– Б-же правый! Не может быть! Вы, должно быть, разыгрываете нас?

– Эй-эй, поосторожнее с...

– Что вы, что вы... О, мой Б-г! – Соломон что-то залопотал, потом вдруг схватил мою ладонь и принялся тискать ее, прямо светясь от удовольствия. – Дружище, я просто не могу поверить! Всех троих? И подумать только: я все проглядел! – Он покачал головой и снова рассмеялся. – Ах, что за дилемма! Возможно ли сожалеть о часе, проведенном с самой прекрасной девушкой в Лондоне? Но в то же время, миссис Флэшмен, как дорого это мне обошлось! Подобного не случалось никогда! И я все пропустил, подумать только! Что ж, приходится платить за то, что не смог устоять перед красотой! Bravo, молодой человек! Bravo! Однако это стоит отметить!

Предложение застало меня врасплох. Элспет выглядела очаровательно-растерянной, но нам не оставалось ничего иного, как последовать за ним туда, где разливали спиртное, и он шаг за шагом вытянул из меня описание всех трех моих великих подач. Никогда мне не приходилось видеть столь взволнованного человека, и я поймал себя на мысли, что чувствую расположение к нему: Соломон хлопал меня по плечу, а когда я закончил рассказ, шлепнул себя по коленке от восторга.

– Здорово, будь я проклят! Да, миссис Флэшмен, ваш муж не простой герой – он гений! – Элспет расцвела и сжала мою ладонь, после чего остатки моего дурного настроения испарились. – Феликс, Пилч и Минн! Невероятно! Да, я тоже, на свой скромный лад, почитал себя игроком в крикет – играл в Итоне, знаете ли. К сожалению, нам ни разу не довелось выходить против Рагби. Впрочем, я в любом случае закончил на год или два раньше вас, дружище. Нет, это превосходит все достижения!

Это было весьма приятно, и не в последнюю очередь благодаря эффекту, оказанному на Элспет. Этот иностранный хлыщ, только что увивавшийся вокруг этой маленькой вертихвостки, теперь совершенно переключился на мой крикет. Она разрывалась между гордостью за меня и обидой за небрежение к ней, однако, когда пришло время расставаться – с его стороны, с россыпью комплиментов и уверений, что мы обязательно должны как можно скорее нанести ему визит, и с искренней любезностью с моей – он вернул себе утраченные позиции в сердце Эспет, поцеловав ее руку так, будто собирался обглодать до косточек. Но меня это теперь не волновало: парень, похоже, не из низов по происхождению, а раз учился в Итоне, то должен, по идее, иметь определенный вес, да и в деньгах явно недостатка не испытывает. К тому же вокруг Элспет увиваются все, без исключения.

Так закончился этот великий день, который я никогда не забуду, поскольку в ушах у меня всегда буду звучать знаменитые имена: Феликс, Пилч и Минн, а также три оглушительных вопля, изданных толпой, когда выбывал каждый из них. А еще это был день, когда в почву упали семена великих событий, в чем вы еще убедитесь, и первый маленький плод ждал нас уже по возвращении в Мэйфер. Им оказался небольшой пакет, засунутый в ручку двери и адресованный мне. Он содержал чек на пятьдесят фунтов и скверно отпечатанную записку со словами: «С благодарностью от Д. Тигга, эск.». Что за несносная дерзость: этот ч-тов букмекер, или кто там он есть, набрался наглости послать мне наличные, словно я был какой-нибудь профессионал, играющий за деньги.

Окажись он здесь сам, я бы дал ему такого пинка, что он летел бы до Уайтчепела, или отходил бы для науки тростью. Но раз его не было, я сунул чек в карман, а письмо сжег – это единственный способ указать выскочкам, где их место.

* * *

[Выдержка из дневника миссис Г. Флэшмен, 1842 г.,
день и месяц не указаны]

...сказать по правде, для Г. очень свойственно оказывать в «Лордс» *некоторое* внимание другим леди, которые буквально с ума по нему *сходят*. И мне ли осуждать вас, мои менее удачливые сестры? Он такой высокий, статный и красивый, настоящий Английский Лев, что я почти *лишаюсь чувств* от любви и гордости... Знать, что этот удивительный человек, вызывающий у всех зависть и восхищение – *мой муж*!! Он – совершенство, и я люблю его сильнее, чем способна передать.

И все же мне хотелось бы, чтобы Г. обращал *меньше* внимания на окружающих леди, которые улыбаются и машут ему, когда он на поле, а подчас настолько забывают о рамках приличия, присущих нашему нежному полу, что *заговаривают* с ним! Разумеется, ему нелегко казаться безразличным – такому Обожаемому, – и в силу своей бесхитростной, рыцарской натуры он, я знаю, чувствует себя обязанным принимать их заигрывания из страха проявить, по его мнению, недостаток обходительности, присущей истинному джентльмену.

Он настолько Благороден и Вежлив, даже с такими *déclassé*²⁶ персонами, как *одиозная* миссис Лео Лейд, *компаньонка* Герцога, чье внимание к Г. носит настолько открытый и бесстыдный характер, что послужило поводом для некоторых разговоров и заставило меня вспыхнуть от стыда за ее репутацию, которой, уверена, у нее нет вовсе!!! Но Г., по своей наивной, мальчишеской доброте, не способен ни в ком разглядеть недостатков – даже в такой падшей женщине, каковой она, не сомневаюсь, является, так как ходят слухи... Но не будем марать твои чистые страницы, дорогой мой дневник, присутствием таких Мелких Сущностей, как миссис Лео.

²⁶ Деклассированный (*фр.*).

Но воспоминание о ней снова говорит мне о Долге Защищать моего любимого – поскольку он совсем еще *мальчишка*, с присущей им *naivete*²⁷ и восторженностью. Сегодня, скажем, он выглядел весьма *задетым и разъяренным* по причине внимания, оказанного мне доном С.А., человеком, абсолютно *sans reproche*²⁸ и наделенным выдающимися личными качествами. Говорят, с имений и предприятий в Дальней Ост-Индии он имеет пятьдесят тысяч в год, вращается в Лучшем Обществе и даже был на приеме у Е.К.В. Это настоящий англичанин, хотя мать его была испанской донной, и наделен в высшей степени обворожительными манерами, обращением и вообще *один из самых приятных* людей. Признаюсь, меня не на шутку позабавило произведенное мною на него впечатление, что носит характер совершенно *безобидный и естественный*, поскольку замечено: Джентльмены его Типа даже более чувствительны к красоте, чем те, в чьих жилах течет чистая Европейская Кровь. Боюсь, бедный Г. был не слишком обрадован, но я не могу удержаться от мысли, что ему следует знать о равенстве *обоих полов* в части безобидного ухаживания, и раз уж особы, подобные миссис Л.Л., так увииваются вокруг *него*, несправедливо будет возражать против естественного внимания ко *мне* со стороны дона. К тому же их нельзя ставить на одну доску, так как дон С.А. в *высшей степени* наделен тактом и обхождением: он *приятный*, с деньгами, лишен фамильярности в обращении. Наверняка мы частенько будем встречаться с ним в Обществе этой зимой, но, обещаю, не настолько, чтобы заставить моего Драгоценного Героя *слишком* страдать от ревности – он ведь такой чувствительный...

[Конец выдержки. – Г. де Р.]

²⁷ Наивность (*фр.*).

²⁸ Безупречный (*фр.*).

II

До поры, когда я вновь вспомнил о крикете, прошло восемь месяцев, но должен признать, что стой лето хоть с октября по март, мне все равно было бы некогда. Поглядел бы я, как вам удалось сочетать страстную связь с Лолой Монтез, из-за которой вы по уши вляпались в историю с Отто Бисмарком, – что и приключилось со мной той осенью – и в то же время находить свободное время для спорта! Кроме того, это был период, когда слава моя стояла в зените – после визита во дворец за Кабульской медалью – и я шел на расхват, а Элпет, обожающая вращаться в свете, позаботилась, чтобы у меня не было ни единой свободной минуты: балы, приемы, обеды – ни малейшей возможности всерьез повеселиться. Это, конечно, здорово – быть кумиром дня, но ч-ки утомительно.

Впрочем, в отношении нашей истории не случилось почти ничего стоящего упоминания, за исключением того, что дородный дон Соломон Аслам в течение зимнего сезона стал занимать в наших делах все более значимое место. Любопытный это был субъект, право слово. Никто, даже его бывшие однокашники по Итону, не знали о нем ничего, кроме того, что это своего рода набоб с большими связями на Лиденхолл-стрит, но его хорошо принимали в обществе, где деньги и манеры решают все. И похоже, его везде держали за своего: в посольствах, модных домах, спортивных обществах, даже на политических обедах; он был на дружеской ноге как с Хаддингтоном и Стэнли по одну сторону лестницы, так и с прохвостами вроде Глухого Джима Берка и Бругама с другой. В один вечер он мог ужинать с Абердином²⁹, а следующий скоротать в Рошервилль-Гарденс или в «Сайдер-Селларс». А еще у него имелся невероятный дар знать все обо всем и обо всех: хотите узнать новости о бунтах против дорожных пошлин или услышать историю о вельветовых брюках Пиля – спросите Соломона; он расскажет вам последние анекдоты про Элис Лоу и про Нельсонову колонну, ему заранее все известно про скачки в Эскоте и не составит труда напеть вам в своей гостиной арию из «Богемской девушки» за несколько месяцев до того, как оперу поставят на лондонских подмостках.³⁰ В то же время его нельзя было назвать сплетником или болтуном: просто о чем бы ни зашел разговор, он всегда знал ответ на любой вопрос.

По идее, он должен был вызывать раздражение, но, как ни странно, ничего подобного не происходило, потому что Соломон не выпячивал себя и не красовался. Жил дон на широкую ногу, устраивал в своем доме на Брук-стрит «китайские приемы», обходившиеся ему, по слухам, в двадцать тысяч и служившие предметом для разговоров в течение нескольких последующих недель, а внешность его принадлежала к типу, которые дамы называют романтическим – достаточно напомнить про колечко в ухе, – но при этом Соломон ухитрялся выглядеть скромно и не вызывающе. Ему был присущ шарм, вынужден признать, а еще – дар втираться в доверие, выказывая к собеседнику самый оживленный интерес. Ну и, конечно, у него имелись деньги, чтобы сорить ими налево и направо.

Впрочем, он не слишком занимал мои мысли: со мной он был по-прежнему любезен и, с тех пор как я сделал вывод, что его энтузиазм по отношению к Элпет несколько поостыл, стал

²⁹ Лорд Хаддингтон и Стэнли занимали, соответственно, посты Первого лорда Адмиралтейства и Секретаря по делам колоний; лорд Абердин был министром иностранных дел. Флэшмен ехидничает, объединяя Глухого Берка и лорда Бругама, обзывая их прохвостами: первый был знаменитым боксером, а второй – видным политиком из партии вигов. (*Комментарии редактора рукописи*).

³⁰ Элис Лоу, любовница лорда Фрэнкфорта, фигурировала в громком дворцовом скандале, связанном с полученными ею подарками, в то время как лорд обвинил ее в краже этих вещей. Почти законченная к тому времени Колонна Нельсона на Трафальгарской площади стала своего рода притчей во языцех: «Панч» глумился над тем, что статуя великого мореплавателя имеет большое сходство с Наполеоном. Скачки на «Королевский охотничий кубок» впервые состоялись в Эскоте в 1843 году, а опера «Богемская девушка» была поставлена в театре на Друри-Лейн в ноябре того же года. (*Комментарии редактора рукописи*).

относиться к Соломону вполне терпимо. Она была готова флиртовать с любым существом, одетым в брюки, и даже – подозревал я – более чем флиртовать, но имелось много куда более опасных рогонаставителей, нежели наш дон. Взять, к примеру, хотя бы этого у-ка Уотни или развратного сноба Ранелага; не удивлюсь, если и юный Конингэм тоже увивался вокруг нее. Да Соломон и не выказывал склонности к распутству – у него, насколько известно, не имелось даже любовницы, и на Виндмилл-стрит и в других подобных местах я, по крайней мере, его не встречал. Еще одна причуда – он в рот не брал спиртного, вообще.

Впрочем, в качестве самой большой странности стоит отметить отношению к нему моего тестя. Несколько раз за зиму старый Моррисон покидал свое логово в Пэйсли и отправлялся на юг, чтобы обрушиться на нас и постенать по поводу расходов, и во время одного из таких визитов нам случилось пригласить на обед Соломона. Моррисон глянул на модный покррой сюртука и ньюгейтские нокеры³¹, хмыкнул и пробормотал что-то про «очереднова шаркуна, у которого денег больше, чем здравого смысла», но не успел обед подойти к концу, как он готов был есть из руки Соломона.

Старикан, как обычно, бодро ныл про плачевное состояние нации, так что начали мы с супа с луком и курицей, палтуса под устричным соусом и налога на доход, на смену им пришли пирог с рубленой курятиной, отбивные котлеты из ягненка и Акт о шахтах, за которыми последовали оленина в бургундском, фрикассе из говядины и чартисты, а увенчали все десертом из мороженого с виноградом, черничного торга и ирландского вопроса. После чего наши леди (Элспет и любовница моего отца, Джуди, к которой Элспет, Б-г весть отчего, питала сильную привязанность) удалились, и за портвейном мы перешли к забастовкам шахтеров и Всеобщей Гибели Страны.

Отличная тема. Мой сатрап захрапел в кресле под разглагольствования Моррисона о происках подлых шахтеров, которые имеют наглость не соглашаться с тем, что их голые дети должны тягать вагонетки с углем всего по каких-нибудь пятнадцать часов в день.

– Это все треклятая Королевская Комиссия, – вопит тесть, – от нее все зло – и оно будет распространяться, попомните мои слова! Коль парням моложе десяти нельзя работать под землей, так долго ли нам дожидаться, как их и на заводы запретят брать, а? Чтоб сдох этот молокосос Эшли! «Им учиться надоть», – говорит этот сопляк! А кто их выучит, как не я? Теперь будем ждать Акта о заводах – ей-ей!

– Поправки не примут еще года два, – спокойно говорит Соломон, и Моррисон изумленно уставился на него.

– А вам откудава знать?

– Но это же очевидно. Вышел Акт о шахтах, взбудораживший всю страну. И скоро наступят тяжелые времена – не через два, так через три года. Из доклада мистера Хорна это совершенно очевидно.

Его спокойная уверенность произвела впечатление на Моррисона, не привыкшего слышать от кого-либо лекции по деловым вопросам. Впрочем, упоминание имени Хорна снова вывело старикашку из себя – насколько я понял, этот достопочтенный сэр собирался опубликовать некий документ, касающийся детской занятости, что неизбежно повлечет за собой банкротство всех честных работодателей вроде моего тестюшки, раздачи бесплатного пива и устройство праздников для нищих, а также восстание рабочих и вторжение французов.

– Не стоит преувеличивать, – улыбается Соломон. – Но его доклад поднимет целую бурю, это уж точно. Я его читал.

³¹ Густые бакенбарды (от *knockers* – дверные кольца). – Примеч. Дж. М. Ф.

– Вы его читали?! – восклицает Моррисон. – Но он же выйдет только после Нового года! – Несколько секунд тесть сердито пыхтел. Потом нервно глотнул портвейна. – Однако вы парень *far ben*³², сэр. А нет ли там... хм... Случаем, вам не попало упоминания про Пэйсли, а?

Соломон не помнил точно, но сказал, что в докладе приводится ряд шокирующих примеров: как надсмотрщики жестоко наказывают детей, секут их голыми на улице за опоздание, а на одном заводе их даже прибивали за уши к столбу за плохую работу.

– Вранье! – взвизгнул Моррисон, грохнув бокал на стол. – Бессовестное вр-ранье! Да ни одного малого на моей фабрике никто и пальцем не трогал! Бог мой: молитвы в семь, стакан молока и кусок пирога на обед – из моего собственного кармана! Да еще и по ярду пряжи в подарок каж-но-му, хотя от таких растрат я скоро по миру пойду...

Соломон успокоил его, выразив уверенность, что заводы Моррисона – суть рай на Земле. Потом мрачно добавил, что, учитывая доклад Хорна³³ и общий упадок торговли, производителей в ближайшие годы ждут веселенькие времена. Вложения в заморские предприятия – вот это, дескать, дело: человек, понимающий в бизнесе (вроде него самого), способен делать на Востоке миллионы. И хотя Моррисон фыркал и называл это все заманухой, можно было заметить, что он, сам того не желая, заинтересовался. Тесть начал задавать вопросы, спорить; у Соломона же на все находился ответ. На меня это все навевало смертную скуку, и я представил им молоть языком, а сатрапу – храпеть и рыгать – единственные вразумительные звуки, услышанные мной за тот вечер. Зато потом старый Моррисон заметил, что «у юного Соломона есть башка на плечах, ей-ей, замечательный молодой человек – не то что некоторые, способные только болтаться и пить все время, да тратить не ими нажитое». Ну и так далее.

Одним из последствий разговора стало то, что дон Соломон Аслам стал в нашем доме еще более частым посетителем, деля свое время между Элспет и ее батюшкой – причудливое разнообразие, если угодно. С Моррисоном он бесконечно толковал про восточную торговлю, побуждая тестя заняться ею – даже намекал старому хрычу, что неплохо бы ему лично побывать в тех краях – тут я его готов был поддержать руками и ногами. Короче говоря, они нашли друг друга, и поскольку Моррисон в это время расширял свои предприятия, а Аслам имел хорошие связи в Сити, смею предположить, что мой драгоценный родственничек находил знакомство полезным.

Так прошли зима и весна, а в июне я получил два письма. Одно было от моего дяди Биндли. Тот сообщал, что решается вопрос о предоставлении мне места лейтенанта в Королевской Конной гвардии. Он давал понять, что это великая честь, которой я обязан своими афганскими подвигами, а не происхождением, бывшим, по его представлению, низким – дядя происходил, как помните, из пэджетовской моей родни и открыто презирал Флэшменов, что подтверждает наличие у него скорее здравого смысла, нежели хороших манер. Новость буквально окрылила меня, почти так же, как и второе письмо. Его прислал Альфред Минн, напомнимши мне о предложении сыграть вместе с ним в Кентербери. Я провел несколько игр за «Монпелье» на поле у Бихайва и был в форме, так что согласился не раздумывая. И не только ради крикета – у меня имелись три весомые причины оказаться подальше от столицы, и поско-

³² Знающий, осведомленный. – *Примеч. Дж. М. Ф.*

³³ В начале 1840-х гг. появился целый ряд правительственных докладов, касающихся положения на заводах и шахтах – оно было ужасающим. Жестокостям, упомянутым в разговоре Моррисона с Соломоном, можно найти подтверждение в этих докладах и других документах предшествующего десятилетия. В итоге лорд Эшли (позже ставший графом Шафтсбери) внес в 1842 году в палату общин законопроект о запрещении использования в шахтах труда женщин и детей моложе тринадцати лет. Палата лордов впоследствии понизила эту планку до десяти лет. Публикация отчета Комиссии по занятости детей («Доклад Хорна») повлекла за собой дальнейшие законодательные меры, включая сокращение рабочего дня для детей и подростков, работающих на фабриках и заводах. См.: «Доклад Комиссии по занятости детей» (доклад о шахтах), 1842 г.; второй отчет Комиссии, 1843 г., а также прочие документы, цитируемые в книге Э. Ройстон Пайка «Человеческие свидетельства Промышленной революции». (*Комментарии редактора рукописи*).

рее. Во-первых, я только что организовал провал Лолы Монтеc на лондонских подмостках³⁴ и имел основания полагать, что эта бешеная с-ка выслеживает меня с пистолетом в руке – она, как вы знаете, была способна на все, включая убийство. Во-вторых, одна акробатка, с которой я имел связь, заявляла, что понесла, и с угрозами и слезами требовала компенсации. И в-третьих, я вспомнил, что миссис Лейд, молодая пассия герцога, должна быть в Кентербери во время Недели крикета.

Как понимаете, смена обстановки – как раз то, что требовалось старине Флэши. Кабы знать, к чему это все приведет, я бы заплатил акробатке, послал бы миссис Лейд ко всем чертям, подставил бы Лоле спину под выстрел – и считал бы себя еще везунчиком. Но нам, по воле Небес, не дано предвидеть будущее.

Я намеревался поехать в Кентербери один, но за неделю или около того до отправки, когда мы с Элспет были у Аслама, проронил словечко о своих планах. Дон тут же пришел в восторг, заявляя, что это самое то: будучи без ума от крикета, он снимет в Кентербери домик на неделю, а мы станем его гостями. Соломон обещал устроить вечеринку, а это шанс отлично провести время. Это в его стиле: любые затраты – для него пустяк, и вот Элспет уже хлопает в ладоши, предвкушая пикник, танцы и прочие развлечения.

– Ах, дон, это изумительно! – вопит она. – О, это будет так здорово, ведь Кентербери, уверена, славное местечко. Да, там ведь стоит полк. Но Б-же мой, что же я надену? За пределами Лондона мода совсем другая, особенно если нам придется часто завтракать *al fresco*³⁵, да и многие вечеринки наверняка будут происходить под открытым небом. Ах, но как же мой драгоценный бедный папочка?

Забыл добавить, что еще одной причиной покинуть Лондон для меня было стремление улизнуть от старого Моррисона, продолжавшего отравлять нам жизнь. Надо сказать, что в мае его скрутила болезнь – к несчастью, несмертельная. Сам он грешил на переутомление, но я точно знал – причиной стал выход доклада комиссии по детской занятости, который, как и предсказывал дон Соломон, вызвал настоящую бурю, поскольку доказывал, что условия труда на наших заводах хуже, чем в сибирских соляных коях. Имен не называлось, но в парламенте стали звучать вопросы, и Моррисон трепетал при мысли, что его вот-вот уличат как грязную рабовладельческую свинью, которой он и являлся. Так что маленький мерзавец слег в кровать вроде как с нервными приступами и развлекался тем, что пр – нал членов комиссии, ворчал на слуг и задувал из экономии свечи.

Аслам, естественно, заявил, что папаша поедет с нами – мол, свежий воздух пойдет ему на пользу. По моему убеждению, старому хрычу на пользу пошла бы только полная остановка дыхания, но, понятное дело, ничего подобного сказать я не мог, и поскольку первая моя игра за команду Минна намечалась на понедельник, было решено тронуться в путь днем ранее. Мне удалось увильнуть от поездки вместе со всеми – дело в том, что молодой Конингэм заказал комнату в «Сороке», чтобы поглядеть на казнь, назначенную на утро понедельника, – но Элспет я об этом ничего не сказал. Дон Соломон препроводил всю орду на станцию, к нанятому им специальному поезду. Там была Элспет с чемоданами и коробками, достаточными для основания новой колонии, старый Моррисон, укутанный в плед и стенающий по поводу необходимости путешествовать по железной дороге в воскресный день, и Джуди, штучка моего батюшки, наблюдавшая за происходящим с ехидной усмешкой.

³⁴ Лола Монтеc была любовницей Флэшмена в течение короткого периода осенью 1842 года, пока они не поссорились. Он отомстил ей, организовав враждебный прием во время ее дебюта на лондонской сцене в качестве танцовщицы в июне 1843 года. После этого инцидента Лола покинула Англию и начала свою головокружительную карьеру куртизанки, вознесшую ее до ранга фактической правительницы Баварии – это тот эпизод, в котором оказались задействованы Флэшмен и Отто фон Бисмарк. (См. биографии Лолы Монтеc и воспоминания Флэшмена, опубликованные под названием «Флэш по-королевски».) (*Комментарии редактора рукописи*).

³⁵ На свежем воздухе (*итал.*).

Мы с ней в те поры не общались. Я как-то завалил ее (один раз) в стародавние времена, воспользовавшись отсутствием сатрапа, но потом она дала мне от ворот поворот, и между нами случилась оживленная перепалка, в ходе которой я поставил ей фингал. С тех пор мы находились исключительно в светских отношениях, ради сатрапа, но когда некоторое время тому назад его снова увезли к эскулапам в надежде излечить от белой горячки, Джуди заделалась компаньонкой у Элпет – о, мы представляли собой вполне приличную семейку, ей-богу. Девчонка была симпатичной и толковой, и, помогая ей сесть в экипаж, я пару раз ущипнул ее, за что удостоился ледяного взгляда. Помахав на прощание, я обещал присоединиться к компании завтра в полдень в Кентербери.

Не помню, с какой стати устраивать казнь в понедельник, что, впрочем, и не важно, но это был единственный раз, когда мне довелось наблюдать, как вздергивают человека в Ньюгейте. Кроме того, там произошла встреча, имеющая отношение к нашей истории. Прибыв в воскресенье вечером в «Сороку», Конингэма с друзьями я не застал – они отправились в тюремную часовню, наблюдать за последней службой приговоренного. Я немного потерял, так как, вернувшись назад, парни жаловались, что чуть не умерли от скуки: капеллан без конца бубнил молитвы, а убийца сидел в темном закутке и болтал с тюремщиком.

– Они даже не сажали его на гроб, – заявляет Конингэм. – Мне казалось, они всегда используют его как сиденье, Бересфорд мне об этом говорил, чтоб ему!

– Ну, знаешь, все-таки не каждый день видишь парня, присутствующего на собственной похоронной службе, – говорит один. – Хотел бы ты выглядеть таким же живым на своей собственной, а, Коннерс?

Затем они занялись картами и вином с легкой закуской, а ближе к вечеру появились, само собой, и девки – шлюхи из Сноу-Хилла, к которым я и на пушечный выстрел не подойду. Мне было любопытно наблюдать, как Конингэм и прочие юнцы просто подпрыгивают от возбуждения – отчасти из-за игры и разврата, но больше всего из-за предстоящего зрелища казни. Для меня-то это все были пустяки: мне за время странствий приходилось видеть, как людей вешают, обезглавливают, распинают и вообще Б-г знает что творят; просто мне было интересно посмотреть, как английского преступника будут вздергивать перед лицом английской толпы. Пока же я уселся за экарте со Спидикатом и благодаря шулерству обчистил его напрочь.

К тому времени большая часть компании упилась и храпела, но выспаться не удалось, так как спозаранок прибыли строители виселицы и устроили на улице такой перестук, что все проснулись. Тут Конингэм сообразил, что у него имеется ордер шерифа, и мы всей толпой побрели в Ньюгейт, чтобы поглядеть на того парня в камере смертников. Помню, как эта пьяная, шумная компания затихла, стоило нам оказаться внутри Ньюгейт-Ярд, с тамошними сырыми темными стенами, обступающими со всех сторон. Наши шаги гулко отдавались по каменным коридорам, дыхание сделалось сдавленным, а голос понизился до шепота, тюремщики же жутко ухмылялись и вращали глазами, стараясь сполна отработать заплаченные Конингэмом денежки.

Сдается, впрочем, что юные повесы ничего не поняли, так как спешили увидеть человека, забывшегося сном на каменной скамье, рядом с которым на матрасе лежал надзиратель. Пара ребят из наших, слегка уже протрезвев, настаивала, чтобы осужденного разбудили. Они, как я понимаю, надеялись, что он начнет стенать и молить. Конингэм, самый рьяный из всех, разбил о решетку бутылку и заорал, побуждая парня подниматься, но тот только тупо поглядел на нас. Зато на сцене появился похожий на церковного старосту тип в черном плаще и высокой шляпе. Он обрушился на нас с яростью урагана.

– Бездельники! – закричал он, топая ногами и побагровев. – У вас совсем совести нет? Б-же правый, и это те, кого называют цветом нации! Пр-тье! Пр-тье! Что вам всем, к ч-тям, провалиться!

Он буквально обезумел от гнева и клялся, что тюремщик заплатит за это своим местом, потом начал толкать Конингэма. Но нашего бравого Кони так просто не смутишь: отвечая ругательством на ругательство, он пьяно проковылял к эшафоту, который был почти закончен – черный брус, ограждения и все такое – и стал плясать на ступенях, пока разозленные рабочие не спихнули его на дорогу.

Дружки со смехом и шутками подняли лорда и повели обратно в «Сороку». Было теплое летнее утро; собравшаяся уже толпа улюлюкала и ухмылялась, пока мы пробирались сквозь нее, но кое-кто бросал на нас хмурые взгляды и кричал: «Позор!» На улице пирожники расхваливали свой товар, а продавцы моделей виселиц, признаний Курвуазье³⁶ и кусков веревки с последней казни (приобретенных, без всякого сомнения, в бакалейной лавке этим же самым утром) сидели за завтраком в «Ягненке» или «Сороке», дожидаясь, пока народ соберется по настоящему. Подтягивалась мелкая воровская шушера и шлюхи, у окон занимали места благопристойные семьи, решившие устроить себе пикник; извозчики расположили свои экипажи у стен домов, предлагая выгодные места по шестипенсовику за штуку. Лавочники и привратники, которым нельзя было бросить работу, кляли тех, кто мешался у них под ногами, констебли парами сновали туда-сюда, отгоняя нищих и пьяниц и не спуская глаз с явных жуликов и воров. Ханжеского вида малый в одежке священника с живым интересом наблюдал, как Конингэма втаскивали в «Сороку» и далее наверх по лестнице. Он вежливо кивнул мне.

– Пока все довольно тихо, – говорит, и я подметил, что правая его рука свисает под странным углом: она была скрюченной и имела восковой оттенок. – Не возражаете, сэръ, если я составлю вам компанию? – И он назвал мне свое имя, вот только теперь, хоть убейте, не помню, какое.

Я не возражал, и он поднялся наверх, в руины передней из наших комнат. Лакеи убрали объедки от ночной пирушки и выпроваживали шлюх, жалобно скуливших; почти все наши представляли собой жалкое зрелище и вовсе не спешили лакомиться вырезкой с почками.

– Первый раз для большинства из них, – говорит мой новый знакомый. – Интересно, сэръ, очень интересно.

Следуя моему приглашению, он налил себе холодного пива, и мы, устроившись у окна, за едой и разговором, наблюдали, как прибывает толпа. Наконец она разрослась настолько, что заполонила всю улицу в оба конца от эшафота: бурлящее, необъятное живое море, ограниченное оцепившими место казни легавами, плотное настолько, что даже карманникам было затруднительно промышлять своим ремеслом. Должно быть, тут собрались представители всех слоев Лондона: гнусные отбросы общества бок о бок с торговцами и людишками из Сити; клерки и приказчики из магазинов; отцы семейств с сынишками на плечах; нищая братия, собирающая подавание. У стены стоит карета лорда, и толпа веселится, наблюдая, как кучер помогает хозяину вскарабкаться на крышу; из каждого окна высовываются зеваки; на крышах оборудованы галереи с сидячими местами; даже с водосточных труб и фонарных столбов свисают зрители. Какой-то оборванный пацан, словно мартышка, лезет по стене «Сороки»; его грязные пальцы цепляются за наш подоконник, а голодные глаза обозревают тарелки. Мой собеседник протягивает ему кусок мяса, который в мгновение ока исчезает в чавкающем рте.

Кто-то окликает нас снизу, и я замечаю дородного курносого малого, глядящего в нашу сторону. Мой сухорукий сосед пытался докричаться до него, но шум толпы не способствовал разговору. В итоге мой компаньон бросил это дело и говорит мне:

³⁶ Речь идет о деле Франсуа Бенжамена Курвуазье, французского лакея лорда Уильяма Рассела. Обвиненный хозяином в хищении серебряной утвари, слуга зарезал своего хозяина во сне, инсценировав кражу со взломом. В ходе нашумевшего судебного процесса преступника разоблачили. Курвуазье был повешен 6 июля 1840 года при большом стечении народа, причем в числе наблюдателей был Уильям Мейкпис Теккерей, описавший это событие в своем эссе «Как из казни устраивают зрелище».

– Так и знал, что он придет. Выдающийся писатель – затмил всех нас. Вы не следили за «Мисс Тиклтоби»³⁷ прошлым летом?

Отсюда я сделал вывод, что увиденный нами под окном субъект – не кто иной, как мистер Уильям Мейкпис Теккерей. Впрочем, этой встречей все мое знакомство с ним и ограничилось.

– Чудовищная идея, – продолжает мой сосед, – но если б казни проводились в церкви, у нас не было бы недостатка в прихожанах – может, собиралось бы даже больше, чем сейчас. Как думаете? Ага, пошло!

Загудел колокол, и толпа хором начала отсчитывать удары: «Один, два, три...» – пока не пробило восемь, после чего раздалось раскатистое «ура», заметавшееся между домами. Вдруг оно смолкло, и наступила тишина, прерываемая только пронзительным детским плачем.

– Колокол церкви Гроба Господня начинает звонить, – прошептал мой компаньон. – Да смилуется Господь над душою бедняги.

Когда гул толпы снова усилился, мы устремили взоры поверх бушующего человеческого моря к эшафоту и увидели констеблей, выходящих из тюрьмы через Ворота Должников. Окружив заключенного, они поднялись по ступеням на платформу. Приговоренный пребывал, казалось, в полусне. «Наркотик, – пояснил мой приятель, – ему сейчас на все плевать». Это точно, зато народ начал топтать, орать и свистеть, заглушая слова священника. Тем временем палач наскоро соорудил петлю, накинул на голову обреченного капюшон и встал, готовый вытащить болт. Теперь не раздавалось ни звука, только чей-то пьяный голос изрек: «Будь здоров Джимми!» Раздались смех и крики, и все в ожидании уставились на фигуру в белом, застывшую под перекладиной.

– Не смотрите на него, – шепчет мой приятель. – Посмотрите на своих товарищей.

Я бросил взгляд в сторону соседнего окна: лица застыли, рты приоткрыты, кто-то улыбается, кто-то бледен от страха, некоторые физиономии выражают почти экстатическое удовольствие.

– Продолжайте наблюдать, – говорит сосед, и тут раздается стук, звук падения, мощный стон толпы, и по всем лицам у того окна разливается удовольствие: Спидикат злорадно улыбается, Бересфорд вздыхает и облизывает губы, по суровому лицу Споттсвуда пробегает тень мрачного удовлетворения, а его девка тем временем жметя к нему, стараясь спрятать лицо.

– Интересно, не правда ли? – спрашивает сухорукий; он взял шляпу, нахлобучил ее и дружески кивнул. – Весьма признателен вам, сэр.³⁸

И был таков. На той стороне улицы под перекладиной крутилось тело, закутанное в белое. Констебль придерживал раскачивающуюся веревку. Прямо внизу окраины толпы стали рассеваться, расходясь по тавернам. В углу комнаты рвало Конингэма.

Я спустился вниз и стал ждать, пока толпа поредеет, но большинство еще рассчитывало посмотреть на тело повешенного, поскольку из-за скопления людей впереди ничего не было

³⁷ Имеется в виду цикл фельетонов Теккерей «Лекции мисс Тиклтоби по английской истории», опубликованный в журнале «Панч».

³⁸ Из флэшменовского описания «ханжеского вида малого в одежде священника» и со скрюченной рукой явствует, что речь идет о Ричарде Харрисе Бархэме (1788–1845), авторе книги «Легенды Инголдсби», в одной из самых популярных новелл которой лорд Томнодди в компании с мистером Фьюзом и лейтенантом Тригузом, а также сэром Карнеби Дженксом из «Синих» отправляется наблюдать за казнью в Ньюгейте и проводит ночь накануне в «Сороке и пне», видит улицу, где сооружается эшафот. Как бы то ни было, Бархэм вдохновлялся не той казнью, которую описывает Флэшмен. Один из лучших образчиков «висельного» юмора был создан несколькими годами ранее. Более поздние экзекуции автор мог посещать просто из любопытства. Присутствие Теккерей вызывает интерес, давая понять, что тому удалось преодолеть отвращение, обуявшее его тремя годами ранее, во время повешения Курвуазье, когда писатель не смог досмотреть зрелище до конца. См. Бархэм: статьи в «Таймс» от 7 июля 1840 г. и 27 мая 1868 г., описывающие повешение Курвуазье и Баррета; Теккерей: «Как из казни устраивают зрелище» («Фрейзерс Мэгезин», июль 1840); Диккенс «Барнеби Радж» и «Посещение Ньюгейта» из «Очерков Боза»; а также Артур Гриффитс: «Хроники Ньюгейта» (1884) и «Уголовные тюрьмы Лондона» (1862). (*Комментарии редактора рукописи*).

видно. Я прикидывал, удастся ли мне добраться до кэба, как вдруг передо мной возник человек, и я сразу узнал красную рожу, круглые глаза и расшитый жилет мистера Дедалуса Тигга.

– Во-во, сэр, – говорит он. – Обрато мы свиделись! Слыхал, вы едете в Кентербери: славно, вы им покажете, как надо играть, ага! – Потом он кивает в сторону эшафота. – Видали вы худшее убожество, мистер Флэшмен? Глянуть не на чё, просто не на чё. Ни слова не сказал – ни единого звука, ни жалобы, не трепыхался даже, шоб мне лопнуть! Эт не то, чё называлось «повесить» в наши молодые годы! Прикиньте, – говорит Тигг, засунув большие пальцы за жилет, – не, тока представьте, шобы в наши дни этакий вот молодой жулик не сказал бы ни слова, не предпринял бы ничего! О, не, сэр! Када человеку выпадает такая возможность, он должен выказать себя с лучшей стороны, проявить стойкость, а не накачиваться до поросычива визгу. Где была его честь, када он позволил вздернуть себя вот так, вместо того шоб, видя интерес всех собравшихся тут, присноровиться удовлетворить его?

Он улыбнулся мне, склонив на бок голову.

– Никакой твердости, мистер Флэшмен. Никакова духа. Вот *вы* бы, сэр, придись *вам* оказаться в его шкуре – от чего избавь мой бок – показали бы как нада. И я тоже, слышьте? Мы б дали людям то, за чем те пришли, как и подобает настоящим англичанам. Шо до игры, – продолжает Тигг, – то я надеюсь, шо вы к Кентербери подошли в лучшей форме. Я рассчитываю на вас, сэр, рассчитываю. Слышьте?

Нечто в его тоне пробудило во мне легкое беспокойство. До того я смотрел на него холодно, теперь взгляд мой сделался ледяным.

– Понятия не имею, о чем вы, приятель, – говорю. – И знать не хочу. Можете оставить при себе...

– Нет-нет-нет, дорогой мой юный сэр! – Тигг расплывается в еще более радушной улыбке. – Вы меня совсем не так поняли. Я хотел тока сказать, что заинтересован – очень сильно заинтересован – в успехе команды мистера Минна. Вот шо мне нужно в первую очередь – к вашему удовольствию и моей выгоде. – Он плутовски прищурил глаз. – Припоминаете, сэр, как выразил я вам свое восхищение вашей незабываемой игрой в «Лордс» в прошлом годе, отправив вам в знак своего восхищения небольшой подарочек...

– Я никогда не получал от вас этой вещи, – прерываю его я, быть может, слишком поспешно.

– Не получали, грите? Шоб мне треснуть, удивляете вы меня, сэр – ей-бо. Я особливо озаботился, шоб направить их вам – а вы не получали? Ну и ну, – и черные глазки словно окаменели. – Неужто этот подлец Винсент прикарманил их, вместо того шоб отправить вам? Человеческая испорченность, мистер Флэшмен, нет ей конца. Но не стоит переживать, сэр, – мошенник весело рассмеялся, – мы добудем еще больше, сэр. И вот шо скажу, сэр: если вы сегодня вечером удержите биту против «Любителей», можете рассчитывать на три сотни, вот вам мое слово. Ну, как?

Разинув рот, я уставился на него, не в силах вымолвить ни слова. Он добродушно подмигнул мне еще раз, потом огляделся вокруг.

– Жуткое дело, сэр, просто кошмар. Пока ищейки не в силах избавить нас от этих чтовых воров и карманников, дженты вроде вас не могут чувствовать себя в безопасности. Стоит только мальчика зазеваться, и тут же окажетесь в ихней пасти. Безобразие сэр: шо вам нужно, так это кэб. Ага.

Тигг кивнул; здоровенный детина, крутившийся рядом, издал пронзительный свист, и не успели бы вы глазом моргнуть, как через толпу к нам двинулся экипаж. Недостаточно шустрых кучер подгонял крепким словцом. Здоровяк схватил лошадь под уздцы, другой его сообщник распахнул дверцу, и мистер Тигг, держа шляпу в руке, посадил меня внутрь, сияя пуще прежнего.

– Удачи вам сегодняшним вечером, сэра! – кричит. – Уверен, вы накидаете этим любителям по первое число, но главное, – он снова подмигнул, – надеюсь, вы удержите битку, мистер Флэшмен. Эй, возчик, к Лондонскому мосту!

И кэб покатил, увозя крайне озадаченного, можете мне поверить, джентльмена.

Всю дорогу до Кентербери я размышлял про удивительного мистера Тигга и пришел к выводу, что раз ему угодно бросать на ветер свои деньги, то это исключительно его дело. С какой стати ему ставить на то, что я, будучи весьма посредственным отбивающим, не дам разбить свою калитку?³⁹ Кто рискнет поставить на это три сотни? Ну, это его забота, но мне лучше быть поосторожнее: не стоит шутить с такими типами; кроме того, подкупая меня, он хотя бы не требует, чтобы я «слил» игру – даже наоборот, побуждает к лучшему. М-да...

В итоге я хорошо подавал за команду Минна, а когда пришел мой черед отбивать, стоял у своей калитки, как приклеенный – к разочарованию зрителей, ожидавших от меня сумасшедших мячей. Будучи третьим с конца, я мог рассчитывать, что долго это не продлится, а учитывая, что на другом конце стоял сам Минн, командовавший пробежками, тактика моя оказалась абсолютно верной. Мы выиграли с перевесом в две калитки, и Флэши не выбыл. И вот наутро, после завтрака, меня ожидал неподписанный конверт с тремя сотнями в векселях.

Я уже было запечатал конверт и собирался приказать лакею вернуть его посыльному, но не сделал этого. Дельце с душком, но три сотни есть три сотни, а кроме того, это ведь подарок, не правда ли? При случае я всегда могу откреститься – Б-же, каким же наивным я был тогда, вопреки всем своим военным компаниям!

Естественно, все это происходило в доме, который Аслам снял на окраине Кентербери. Отличное местечко: дорожки из гравия, шикарные лужайки, кустарники-деревья, газовое освещение, удобные комнаты, отменные напитки и закуски, лакеи тут и там – в общем, все в лучшем виде. Нас, гостей, насчитывалось около дюжины, так как размещение было превосходное, а Аслам из кожи вон лез, чтобы обеспечить комфорт. В тот первый вечер, в понедельник, он задал роскошную вечеринку, на которой присутствовали Минн и Феликс, и разговор, разумеется, шел только о крикете, но было еще и несколько дам, включая миссис Лео Лейд, бросавшую на меня через стол огненные взоры из-под копны своих похожих на колбасные кольца кудрей и облаченную в столь откровенное декольте, что ее полушария едва не падали в тарелку с супом. «Ставлю все наши поддачи за неделю на то, что она не девственна», – думаю я, посылая Элспет, сидевшей во главе стола рядом с доном Соломоном и прямо-таки сияющей, самую любящую из своих улыбок.

Вскоре, впрочем, ее радость померкла, так как дон дал понять, что эта неделя станет последней для его пребывания в Англии: в конце месяца он уезжает с намерением посетить свои владения на Востоке и понятия не имеет, когда вернется – может, даже через годы. При этом за столом воцарилась неподдельная печаль, ибо собравшиеся знали толк в дармовщинке и понимали, что без щедрого дона Соломона у наших светских гиен станет одной кормушкой меньше. Элспет была в полном отчаянии.

– Но дорогой наш дон Соломон, что же мы будем делать? О, вы, должно быть, пугаете нас: ваши противные владения прекрасно могут обойтись и без вас, тем более что вы наверняка нанимаете для них только самых лучших управляющих, – и женушка мило надула губки. – Вы не можете быть так жестоки со своими друзьями! Миссис Лейд, мы ведь не отпустим его, не правда ли?

Соломон рассмеялся и погладил ее по руке.

³⁹ Мистер Тигг поставил на то, что Флэшмен «удержит битку» – то есть не позволит разбить свою калитку и не будет выбит до конца иннинга. Пари довольно причудливое, но вовсе не диковинное по тем временам, когда спортсмены бились об заклад по самым ничтожным поводам. (Комментарии редактора рукописи).

– Дорогая моя Диана, – Дианой он взял за правило называть ее с того самого урока стрельбы из лука, – можете не сомневаться, что только непреодолимая необходимость вынуждает меня лишиться вашего милейшего общества, так же как общества Гарри и вообще всех вас. Однако мужчина должен работать, а моя работа лежит за морем. Так что, – Соломон покачал головой, и его полное, симпатичное лицо осенила грустная улыбка, – мне предстоит пережить эту муку, и сильнее всего заставляет меня страдать разлука с вами, – он посмотрел на Элспет, потом на меня, – потому как вы сделали мне словно братом и сестрой.

И чтоб мне лопнуть, большие темные глаза этого парня натурально подернулись слезой. Все за столом сочувственно закивали – все, кроме старого Моррисона, который с наслаждением чавкал своим бланманже и, судя по издаваемым звукам, разыскал в нем кости.

Элспет так расчувствовалась, что зарыдала, при этом груди ее содрогались столь бурно, что старый герцог, сидевший по другую руку от Соломона, уронил свои вставные челюсти в бокал с вином и пришлось прибегнуть к помощи дворецкого. Соломон, похоже, пришел в некоторое замешательство: он пожал плечами и бросил на меня почти умоляющий взгляд.

– Мне жаль, дружище, – говорит он, – но именно это я и хотел сказать.

Я так и не понял, что именно: сожалел о расставании с Элспет? Любой мужчина жалел бы. Неужели он питал столь дружеские чувства ко мне? Ну, я был довольно любезен и являлся ее мужем; быть может, именно те очаровательные манеры, на которые намекал Том Хьюз, возымели свое действие на этого впечатлительного даго? Так или иначе, требовалось что-то сказать.

– Знаете, дон, – говорю, – нам всем очень жаль терять вас, и это факт. Вы ч-ки славный парень, и я хочу сказать, не стали бы лучше, даже будь вы... будь вы англичанином. – Как понимаете, в мои намерения вовсе не входило распинаться перед ним, но все вокруг заверещали: «Верно, верно», – а Минн в знак согласия хлопнул по столу. – Так выпьем же за ваше здоровье, – подытожил я, и все выпили, а Соломон, склонив голову, радушно улыбнулся мне.

– Я понимаю, – говорит он, – как значим этот комплимент. Благодарю вас – всех вас, и в особенности моего дорогого Гарри. Единственное, чего мне хочется... – тут он смолк, качая головой. – Но нет, просить об этом будет уже слишком.

– Ах, просите все, что угодно, дон! – восклицает Элспет идиотски-умоляющим тоном. – Вы знаете, мы не сможем отказать вам!

Аслам принялся отнекиваться: мол, это все глупости, что, разумеется, только раззадорило ее выяснить, в чем дело. Выдержав паузу, он, поигрывая ножкой бокала, говорит:

– Боюсь, это покажется вам блажью, но просьба моя, драгоценная Диана, касается Гарри, вас и вашего батюшки, которого я считаю мудрейшим среди своих друзей, – тут он кивнул в сторону старого Моррисона, уверявшего тем временем миссис Лейд, что не хочет больше бланманже, зато не откажется «от еще одного кусочка ептова кукурузного пудинга». – И вот что я подумал: раз уж мне нужно ехать, то почему бы вам троим не отправиться со мной?

И он заискивающе улыбнулся каждому из нас по очереди.

Я глядел на этого малого онемев, решив, что он шутит, Элспет – блондинка в недоумении, – сидя с отвисшей челюстью, переводила взгляд с меня на Соломона и обратно.

– Отправиться с вами?

– Ну, в конечном счете, речь идет всего лишь о той стороне этого света, – замысловато изрекает Соломон. – Нет-нет, я совершенно серьезен: все не так уж страшно. Вы знаете меня достаточно, чтобы понимать – я не предложу вам ничего, что вы найдете неприятным. Мы отправимся в плавание на моем паровом бриге – он оснащен не хуже любой королевской яхты, и весьма приятно проведем время. Будем приставать к берегу где захотим: в Лиссабоне, Кадисе, Кейптауне, Бомбее, Мадрасе – куда заведет нас наша фантазия. О, это будет поистине великолепно! – Он с улыбкой наклонился к Элспет. – Подумайте о местах, которые мы увидим! Какое удовольствие доставит мне, Диана, показывать вам чудеса Африки со шканцев: таких красок вы не способны даже представить! Берега Индийского океана – о, эти коралло-

вые острова! Ах, поверьте мне: не бросав якорь в Сингапуре, не побывав в тропических лесах Суматры, Явы и Борнео, не видав славного Китайского моря, где всегда утро – о, моя дорогая, вы, можно сказать, не видели ничего!

Чепуха, конечно – Восток воняет. Всегда и везде. Но Элспет глядела на него, как зачарованная; потом резко обернулась ко мне.

– Ах, Гарри, а можно мы..?

– Даже не обсуждается?.. – говорю. – Это же у ч-та на куличках.

– В наши-то дни? – восклицает Соломон. – Да при помощи пара вы можете оказаться в Сингапуре через э-э... три месяца самое большее. Прибавим еще три месяца в качестве гостей в моих владениях – и вы, Диана, узнаете, каково быть королевой Востока, уверяю вас, – и три месяца на обратную дорогу. Вы окажетесь дома уже к Пасхе.

– Ах, Гарри! – Элспет буквально светилась от радости. – Ах, Гарри, давай мы... О, Гарри, пожалуйста!

Парни за столом одобрительно закивали, а дамы завистливо зашущукали. Слышно было, как старый герцог сказал, что это самое настоящее приключение, лопнуть ему на месте, и будь он помоложе, ни за что не упустил бы шанса.

Дудки: никто не затащит меня снова на Восток – одного раза вполне достаточно. Кроме того, с какой стати я буду путешествовать по милости какого-то богатого даго, решившего покрасоваться перед моей женой? И у меня имелась еще одна веская причина для вежливого отказа.

– Это невозможно, дорогая моя, – говорю. – К сожалению, я солдат и нахожусь на службе. Долг и лейб-гвардия зовут, не так ли? Мне так печально лишать тебя такого, без малейшего сомнения, увлекательного путешествия, – признаюсь, сердце мое защемило при виде горя, искажившего ее милое личико, – но ехать мне нельзя, сама понимаешь. Боюсь, дон, что я вынужден отклонить ваше любезное приглашение.

– Ничего не поделаешь, – Соломон добродушно пожал плечами. – Хотя очень жаль, – он ободряюще улыбнулся Элспет, готовой вот-вот разрыдаться, – быть может, на следующий год. Впрочем, если Гарри нельзя уехать, быть может, ваш отец согласится составить нам компанию?

Произнесено это было столь естественно, что я не сразу уяснил смысл, но как только до меня дошло, потребовались большие усилия, чтобы сдержать грубый ответ. «Ах ты у-ок, – думаю, – так вот что ты затеял: выждал, пока старина Флэши сойдет с дистанции, и с невинным видом предлагаешь план, как увезти мою жену за тридевять земель, где ты сможешь без труда увиваться вокруг нее?» Все было ясно, как день: все мои дремлющие подозрения насчет этого поганого черномазого ожили в один миг, но я помалкивал, наблюдая, как Элспет смотрит на меня через стол. И, черт побери, во взгляде ее читались колебания.

– Но... но без Гарри это не будет весело, – проговорила она, и если был миг, когда я любил эту девчонку, то именно тогда. – Я не знаю... а что папа скажет?

Папа, по видимости, занятый поглощением своего пудинга, не пропустил ни слова, можете быть уверены, но в то же время ничего не сказал, пока Соломон излагал свое предложение.

– Припоминаете, сэр, мы обсуждали возможность того, что вы составите мне компанию в путешествии на Восток, с целью лично ознакомиться с перспективами расширения дел, – распространялся дон, но Моррисон оборвал его в своем очаровательном стиле:

– Вы обсуждали, не я, – говорит тесть, чавкая бланманже. – У меня и тут делов по горло, не хватает еще в моем-то возрасте шляться по Китаю, – он взмахнул ложкой. – К тому ж муж с женой должны быть всегда вместе – эх плохо было, когда Гарри уехал в Индию, оставив мою милую крошку с разбитым сердцем. – Раздался звук, который все приняли за сентиментальный всхлип, но я решил, что это в рот тестя отправилась очередная порция бланманже. – Не-не, мне нужна более веская причина, чтоб тащиться в такую даль.

И он ее получил. До сих пор я не до конца уверен, что это подстроено Соломоном, но готов побиться об заклад: без него не обошлось. На следующее утро старый хрыч опять почувствовал себя плохо – не знаю, способно ли переедание бланманже вызвать нервический приступ, но к вечеру тесть уже стонал в кровати, трясясь от лихорадки, и Соломон настоял на приезде из Лондона своего медикуса – обросшего бакенбардами субъекта с приставкой к имени и такими обволакивающе важными манерами, что мог бы зарабатывать в Мэйфере тысяч по пять в год. Он серьезно посмотрел на больного, скорчившегося под одеялами, словно крыса в норе, со своими затерявшимися на морщинистом лице глазами-бусинками, и мрачно шмыгнул носом.

– Переутомление, – объявляет костодав, закончив обследование и выслушав нытье Моррисона. – Система совершенно изношена, вот и все. Физического нездоровья нет и в помине: внутренне, дорогой мой сэр, вы так же крепки, как и я. Ну, надеюсь, что я могу сравниться с вами, ха-ха! – Его улыбка была чинной, как у епископа. – Но механизм, даже не нуждающийся в починке, требует отдыха – продолжительного отдыха.

– Это серьезно, док? – пискнул Моррисон. Внутренне, быть может, он был и в порядке, зато внешне напоминал картину «Умирающий Яков I».

– Разумеется, нет, если вы сами себя не доведете, – заявляет магистр припарок, качая головой в суровом восхищении. – Вы, флагманы коммерции, приносите в жертву свое здоровье, работая на благо своей семьи, страны и всего человечества. Но, дорогой мой сэр, бесконечно так продолжаться не может. У каждого есть предел – и вы достигли своего.

– А может, плеснете какой баланды из своей там шаланды? – прохрипел флагман коммерции, и когда его просьбу перевели на английский, медикус покачал головой.

– Я могу выписать рецепт, – говорит он, но никакое лекарство не заменит вам... ну, нескольких месяцев на озерах в Италии, скажем, или на французском побережье. Тепло, солнце, отдых – полный покой в приятной компании – вот ваша «шаланда», сэр. И если вы не последуете моему совету, я снимаю с себя ответственность за последствия.

Вот и все. В один миг я скумекал, чем все кончится. Соломон напомнил, что не далее как вчера предлагал подобное путешествие, и эскулап тут же согласился, что плавание подходит просто идеально. Сопротивление Моррисона было сломлено мольбами Элспет и строгими увещаниями профессора пилюль – все, как по нотам, хоть бери да играй. Потом все обернулись ко мне, но я сказал «нет».

Последовала болезненная сцена с глазу на глаз между Элспет и мной. Я говорил, что если старому Моррисону угодно поплавать с доном Соломоном, то скатертью дорожка. Она отвечала, что немисливо отпустить дорогого папу без ее присмотра: это-де ее святой долг – принять щедрое предложение дона и отправиться вместе со старым козлом. Я настаивал на необходимости оставаться в армии, и что без меня ей будет одиноко. «Почему, ах, почему ты все-таки не можешь поехать? Зачем нам эта армия, у нас достаточно денег», – ну и далее в том же духе. Я стою на своем, добавляя, что со стороны Соломона было безумием рассчитывать на мое согласие отпустить ее одну; она же разразилась слезами, заявив, что я просто ревную, причем не столько к ней, сколько к богатству и благородному происхождению дона. Не имея-де ни того ни другого, я из зависти лишаю ее маленького удовольствия; да и как может произойти нечто непристойное, если она поедет в сопровождении своего драгоценного батюшки, которого я, кстати, своим отказом до срока отправляю в могилу.

Я оставил ее рыдать, а когда позже Соломон стал пытаться меня, заявил, что военный долг делает мой отъезд невозможным, а расставания с Элспет я не вынесу. Он вздохнул, но заявил, что слишком хорошо понимает меня. Будучи на моем месте, говорит дон с подкупающей искренностью, он поступил бы так же. На миг мне подумалось, не оклеветал ли я его: как правило, я сужу людей по себе и, кстати, редко ошибаюсь, но время от времени встречаются на свете порядочные и бескорыстные люди. Я собственными глазами видел нескольких.

Старый Моррисон, кстати сказать, не проронил ни слова; ему, конечно, не составило бы труда принудить меня, но будучи истинным пресвитерианином-лицемером, он мог обчистить до нитки сироту, но твердо стоял на том, что жена беспрекословно должна подчиняться мужу, и не вмешивался в наши с Элспет споры. Так что я неизбежно говорил «нет», и Элспет дулась до тех пор, пока не пришло время примеривать новую шляпку.

Так миновало несколько дней, в течение которых я играл в крикет за Минна, разбив несколько калиток своими кручеными и совершив несколько пробежек (не слишком много, всего восемнадцать за один иннинг, что весьма порадовало меня, и снова перехватил мяч Пилча: одной рукой, очень низкий, в момент, когда Пилч хотел отрезать Минна, и мне пришлось распластаться во весь рост). Пилч клялся, что вышел бамп⁴⁰, но его не было – уж вам-то я бы признался. Элспет тем временем купалась в восхищении окружающих и весело проводила время, Соломон вел себя, как несравненный хозяин и кавалер, старый Моррисон восседал на террасе, ворча и читая молитвы попеременно с биржевыми индексами, Джуди же прогуливалась с Элспет, бросая злобные взгляды, но не говоря ничего.

Все началось в пятницу, и, как это часто бывает с катастрофами, сперва все шло лучше некуда. Всю неделю я пытался подбить клинья к соблазнительной миссис Лейд, но будучи занят сам и принимая во внимание факт, что старый герцог не спускает с нее ревнивого ока, оставался при своих интересах. Но поскольку ей хотелось не меньше, чем мне, вопрос был только во времени и месте. В самом деле, после обеда в понедельник мы ухитрились оказаться наедине, спустившись в сад, но не успел я задрать ей юбки в зарослях бирючины, а она совсем откусить мне половину уха, как появляется эта ч-ва стерва Джуди и зовет нас послушать, как Элспет будет в гостиной петь «Ясеновую рощу». Мы, дескать, ни за что не согласимся пропустить такое представление, заявляет она с ехидной улыбочкой.

Наконец утром в пятницу Элспет с Соломоном направилась в какую-то картинную галерею, Джуди пошла с несколькими гостями по магазинам, и в доме не осталось никого, за исключением сидящего на террасе Моррисона. Тут как раз появляется миссис Лейд с вестью о том, что герцога приковал к постели приступ подагры. Ради прикрытия мы немного поболтали с Моррисоном, доведя его до белого каления, и удалились, неспеша, порознь, чтобы встретиться вновь в гостиной, просто пылая от страсти и нетерпения. Дело не было в новинку никому из нас: пока я одной рукой извлекал ее груди, а другой спускал с себя бриджи, ногой прихлопнув за нами дверь, она сбросила с себя все, и на пути к кушетке мы уже слились в объятиях, что вызвало бурю животрепещущих звуков со стороны дамы. Святой Георг, ну и тяжелая она была! И в то же время гибкая, как угорь, при ее-то весе. Мне трудно припомнить какую-либо другую из своих партнерш, кто был бы способен выделывать такие штуки по ходу любовной игры – разве что Элспет, когда выпьет.

Дело шло полным ходом, приближаясь к финишу, и я уже прикидывал, как бы нам продолжить наше знакомство по-новой, как вдруг услышал звук, заставивший меня подскочить с такой силой, что просто удивительно, как наша кушетка не развалилась. Это были быстрые шаги, приближающиеся к двери гостиной. Я оценил обстановку: штаны спущены, один башмак снят, до окна или любого другого возможного убежища меня отделяют целые мили. Миссис Лейд стоит на коленях на кушетке, я, прильнув к ней сзади, выглядываю из под ее украшенной плюмажем шляпки, которую она забыла снять. «Как любезно с ее стороны», – подумалось мне. Ручка двери повернулась. Захвачен врасплох, ни единого шанса на спасение – остается только спрятать лицо в жирных складках ее тела и надеяться, что вошедший не сумеет узнать меня по оставшимся неприкрытыми частям тела. Скандала опасаться не стоило – уж точно не в 1843-м – если только это не герцог, а шаги явно не принадлежали подагрику.

⁴⁰ Бамп – мяч, который ударяется о землю сразу после удара битой и взмывает в воздух, после чего его легко поймать.

Дверь распахнулась, шаги замерли; наступило то, что в дамских романах называют драматической паузой, тянувшейся, как показалось мне, не менее трех часов, и нарушаемой только экстатическими стонами миссис Лейд – полагаю, она даже не подозревала, что на нас смотрят. Я исхитрился бросить косою взгляд через перья ее шляпки на зеркало на каминной полке, и едва не лишился чувств, поскольку у двери, опираясь на ручку, стоял Соломон и озирает открывшуюся перед ним сцену.

Он даже бровью не повел; затем, услышав звуки приближающихся шагов за спиной, отступил назад и прикрыл дверь.

– Нет, здесь никого нет, давайте посмотрим в оранжерею, – донесся до меня его голос. Хоть и даго, этот парень был ч-ки гостеприимным хозяином.

Не успела еще захлопнуться дверь, как я уже попытался высвободиться, но без успеха, поскольку в тот же миг руки миссис Лейд метнулись назад и сомкнулись, словно челюсти, на моих ягодицах, а голова ее откинулась, оказавшись рядом с моей.

– Нет, нет, нет, только не сейчас! – выдыхает она. – Не уходи!

– Дверь, – поясняя я. – Надо запереть дверь. Кто-нибудь увидит.

– Не оставляй меня! – кричит миссис Лейд, и я сомневаюсь, что она отдавала себе отчет, где находится; закатив глаза, дама заклинала меня не покидать ее. Сложная ситуация, признаюсь вам: меня буквально раздирало надвое.

– Ключ, – промямлил я, высвобождаясь. – Всего один миг, и тут же назад.

– Возьми меня с собой! – простонала она, и мне не оставалось ничего иного. Уж не знаю, как мне удалось дотащить до двери с этой тушей на весу. По счастью, все счастливо закончилось именно в тот момент, когда ноги мои не выдержали, и мы рухнули на порог в сладостном изнеможении. Я при этом еще ухитрился и ключ в замке повернуть.

Так ли ловко она умела одеваться, как и скидывать одежду, сказать не берусь, поскольку, когда я привел себя в порядок и стал спускаться вниз по плющу, она еще охала и вздыхала, привалившись к стене вместе со своей всклокоченной пернатой шляпой. Дельце получилось горяченькое, и чем скорее я окажусь подальше отсюда, добывая себе алиби, тем лучше. То что мне действительно было нужно в этот момент – это короткая прогулка; помимо прочего, вечером меня ждал матч, и я хотел быть в форме.

* * *

[Выдержка из дневника миссис Флэшмен,
...июня 1843 года]

...никогда еще не чувствовала себя такой виноватой, и все-таки, что могла я *поделать*? Мое сердце *предупреждало* меня, когда дон С. сократил наш визит в галерею – а там нашлось несколько Превосходных Акварелей, которые я с удовольствием не спеша осмотрела бы, – сказав, что у него имеется своя Причина вернуться домой пораньше.

Смысл своих Предчувствий я не могла объяснить, но, увы, они оправдались, и я чувствую себя самым Падшим Существом на земле!! Дом был почти *пуст*, если не считать дремлющего на террасе Папы, и Нечто в манерах дона С. – быть может, Страстный Блеск в его глазах – побуждали меня разыскать моего Драгоценного Г., не теряя ни минуты. Ах, если бы мы нашли его! Мы обыскали все-все, но никого не нашли, и, войдя в оранжерею, дон С. наполнил меня Стыдом и Тревогой, *открывшись* передо мной в самых недвусмысленных выражениях. Благодаря растениям, делавшим атмосферу крайне Удушливой и собственному моему *волнению*, мне сделалось дурно, и я вынуждена была опереться на его руку и преклонить голову к плечу дона.[Свежо предание!!! – Г. де Р.] Представьте себе мое *невыразимое отчаяние*, когда, воспользовавшись моментом моей слабости и выгодами ситуации, он прильнул своими губами к моим!! Я была настолько обескуражена, что потребовалось *довольно продолжительное* время,

прежде чем смогла оказать ему сопротивление, и вовсе не без труда удалось мне Выскользнуть из его Объятий. Он употреблял в мой адрес самые Восторженные Выражения, называя своей Дорогой Дианой и Златой Нимфой (что даже в этот Миг Смятения заставило меня поразиться *столь поэтическому* сравнению), в Следствие чего я *столь ослабла*, что оказалась неспособной сопротивляться ему, когда он опять прижал меня к своей груди и Поцеловал с Силой еще большей, нежели прежде. К счастью, послышались приближающиеся шаги одного из садовников, и мне, в *полном смятении чувств*, благополучно удалось вырваться. Легко представить себе мой Стыд и Угрызения Совести, и, как будто чтобы нарочно усилить их, я внезапно замечаю в саду *моего милого* Г. По его словам, он упражнялся перед вечерним матчем. При виде его раскрасневшегося мужественного лица и мысли о том, что он занимался *столь здоровым, невинным* делом, в то время как я бессильно билась в Жарких Объятиях другого – пусть даже и *против собственной воли* – в сердце мое вонзился острый нож. Усиливая боль, он назвал меня своей Милой Старушкой и стал с интересом расспрашивать про картинную галерею; я растрогалась едва не до слез, а когда мы вместе пришли на террасу, где встретили миссис Л.Л., мне стало совершенно очевидно, что Г. уделяет ей не больше внимания, чем полагается исходя из элементарной вежливости (да и не удивительно, ибо трудно было найти в ней что-либо, способное Соблазнить мужчину – *настолько помятой* она выглядела), зато по отношению ко мне был весь доброта и внимание, как и положено *самому лучшему из мужей*, каковым Г. и является.

Но что мне стоит думать про поведение дона С.? Не стоит мне судить его *слишком строго*: учитывая *пылкий темперамент*, прорывающийся наружу то тут то там, удивительно ли его Стремление к тому, что он находит привлекательным? Разве стоит мне винить себя за то, что я – не по своей воле – Щедро одарена Природой формами и чертами, которые Сильный Пол находит такими красивыми? Я утешаю себя мыслью, что такова Женская Доля, и если дама наделена качествами, достойными *обожания*, ей не стоит упрекать себя до тех пор, покуда она не Поощряет Фамильярность, но держится с Подобающей Скромностью...

[Чушь и бахвальство! Конец выдержки. – Г. де Р.]

III

Нет сомнений, что хорошие скачки – лучшая из всех тренировок перед матчем, ибо тем вечером я подал лучшую свою серию за команду Минна против Сборной Англии № 11: пять калиток из двенадцати в одиннадцати оверах, причем среди прочих Лиллиуайт выбыл из-за ноги перед калиткой, а Марсден вылетел вчистую. Я никогда не делал ставки на всякие там холодные ванны и гантели, так что, как видите, к нашим парням на тестовых матчах нужно только приставить спортивных дамочек навроде миссис Лео Лейд, и тогда австралийцам останется только в ногах у нас валяться.

Только маленькое облачко омрачало мой горизонт, когда мы всей честной компанией сели пить чай в шатре (Элспет прильнула к моей руке, а Минн то и дело поднимал бокал за Кубок вызова, который мы должны взять): узнал ли меня Соломон в гостинной этим утром, и если узнал, то станет ли молчать? Меня это не слишком беспокоило, так как все, что ему было видно в зеркале, – это моя мужественная спина и ягодицы да очумевшая физиономия миссис Лейд. Мне было совершенно начхать, что он предпримет на ее счет, но даже узнав во втором совокупающемся меня, вряд ли дон станет болтать – в то время среди парней такое было не принято. Да и когда он подошел, чтобы поздравить меня, весь сияющий, и наполнил мой бокал, говоря Элспет, что ее муж – лучший подающий в стране и ему место в сборной Англии, не меньше, – в глазах его не читалось ни малейшего намека на осведомленность. Кое-кто из присутствующих закричал: «Правильно! Правильно!», и Соломон восхищенно качал головой – изощренный, коварный негодяй.

– Знаете, – обращается он к сидящим поблизости, в числе каковых оказались многие из его гостей, а заодно Минн, Феликс и Понсонби-Фейн, – не удивлюсь, если Гарри уже сейчас является самым быстрым подающим в Англии. Я не говорю «лучшим», чтобы не обидеть никого из присутствующих, – и Соломон вежливо поклонился Минну, – но быстрее – бесспорно. Что вы об этом думаете, мистер Феликс?

Феликс покраснел и заморгал, как делал всегда, когда оказывался в центре внимания, и заявил, что не знает. Потом добавил серьезно, что, стоя у линии, не забывает себе голову милями в час, но может заявить с полной ответственностью: любому отбивающему, вышедшему против Минна или меня, будет что рассказать своим внукам. Все засмеялись. Соломон же восклицает, что начинающий крикетист подпрыгивал бы до небес, выпади ему шанс сыграть с нами несколько оверов. Они, ясное дело, не продлятся долго, но честь стоит того.

– Конечно, я не смею и надеяться, – добавляет он, теребя серьгу в ухе и лукаво глядя на меня, – что вы согласитесь сыграть со мной матч в одну калитку, не так ли?

Будучи подогрет игристым и своими пятью из двенадцати, я засмеялся и заявил, что буду счастлив оказать ему эту услугу, но ему в таком случае стоит запастись страховым полисом Ллойда или одеть доспехи.

– Ну, – говорю, – согласны попытать счастья?

Дон пожал плечами и ответил, что неуверен: зрелище, мол, будет неважное, но он, пожалуй, рискнет.

– В конце концов, – говорит Соломон с поддевкой, – как отбивающему вам, сами знаете, далеко до Фуллера Пилча.

Бывают моменты, причем им свойственно оставаться в памяти, когда баловство и веселье внезапно оборачиваются чем-то крайне серьезным. Как сейчас, вижу перед собой картину: шатер, полный одетых в белое мужчин и леди в ярких летних нарядах, бьющие в ноздри запахи травы и парусины, полы шатра хлопают на теплом ветру, звуки разговора и негромкий смех; Элспет с милой улыбкой занята клубникой со сливками; раскрасневшееся лицо Минна блестит от пота, а Соломон возвышается напротив меня – темно-зеленый сюртук, булавка с изумру-

дом в шарфе, смеющиеся глаза на загорелом блестящем лице, аккуратно причесанные черные кудри и баки; крупная ухоженная рука сжимает ножку бокала.

– Чисто ради развлечения, – говорит он. – Будет-таки чем похвастать. Сыграем на моей лужайке перед домом. Идемте, – и дон легонько тыкает мне в грудь. – Я вызываю вас, Гарри.

Остальные при этом рассмеялись, говоря, что дон – отчаянный парень, ей-ей.

Откуда мне было знать, что затевается, хотя что-то подсказывало мне – где-то кроется подвох. Но под действием шампанского и мурлыканья Элспет я откинул все прочь.

– Отлично, – говорю, – посчитаем вам ребра. Сколько игроков с каждой стороны?

– А, только мы двое, – отвечает. – Никаких полевых: границы, конечно, но никаких зачтенных мячей или пробросов. Мое сложение, знаете ли, – и он с улыбкой хлопывает себя по пузу, – не способствует беготне. Один на один – пойдет? Удваивает мои шансы на пробежку-другую.

– А ставки? – смеется Минн, подмигивая мне. – Такие матчи на тиззи⁴¹ не играют.

– Да все что угодно, – махает рукой Соломон. – Мне все равно: «пятерка», «пони», «обезьянка»⁴², тысяча – без разницы, потому как я так и так проиграю.

Разговор повернул в русло, когда любой разумный человек, как правило, хватается шляпу и мчится к ближайшему выходу – в противном случае через час тебе придется царапать на листке: «Я, такой-то, должен такому-то...» – и думать о смене имени. Но не в этот раз: в конечном счете, я был мастером, в отличие от него – его никто даже и не видел в игре. Ему не на что было рассчитывать против моих ураганных подач, да и в деньгах моих он не нуждался.

– Погодите-ка, – говорю, – мы ведь не какие-нибудь набобы – лейтенант на половинном жалованье не может...

Тут Элспет, чтоб ей, махает своим ридикулем и шепчет, что я *могу* поддержать любую ставку дона Соломона, и пока я пытался утихомирить ее, Соломон говорит:

– Не стоит беспокоиться об этом: со своей стороны я ставлю тыщу – это же, в конце концов, мое предложение, так что мне и расхлебывать. Гарри может поставить, что захочет. Ну как, приятель, идет?

Ну, кто не знает, что у этого парня денег куры не клюют, так что если у него есть желание расстаться с тышечкой за право получить у меня урок крикета, ему и карты в руки. И все-таки мне не приходило в голову, что поставить против его денег, о чем я и заявил.

– Тогда пусть это будет пинта эля, – заявляет Соломон, щелкнув пальцами. – А знаете что: я назову вашу ставку и обещаю, что в случае проигрыша уплата ее не будет стоить вам ни гроша.

– И что же это? – спрашиваю, тут же насторожившись.

– По рукам?

– Сначала скажите, что за ставка, – говорю.

– Ну уж, можете не беспокоиться, – с торжествующей улыбкой заявляет он. – Ставка такая: если побеждаете вы – получаете тысячу фунтов, побеждаю я – что, согласитесь, весьма маловероятно, – Соломон сделал паузу, нагнетая интерес, – если побеждаю я, вы разрешите Элспет с ее отцом отправиться в плавание со мной. – Он обвел компанию лучезарным взором. – Можно ли предложить что-либо более честное, а?

От такой откровенной наглости я просто опешил. Этот жирный выскочка с замашками ниггера, уже заявлял о своем интересе к моей жене и публично предложил ей отправиться с ним в путешествие, оставив меня подрашивать рога дома, и получил от ворот поворот. И вот теперь опять взялся за свое, только пытается проверить все под видом легкомысленной игры. Я едва не закипел от ярости: неужто он столкнулся обо всем с Элспет? Но одного взгляда было

⁴¹ Шестипенсовая монета. – Примеч. Дж. М. Ф.

⁴² Соответственно: пять, двадцать пять и пятьсот фунтов.

достаточно, чтобы понять – она изумлена не меньше меня. Впрочем, все остальные улыбались, и я заметил как две леди шушукались под зонтиками; миссис Лейд наблюдала с интересом.

– Ну-ну, дон, – с напускной веселостью говорю я. – А вы не слишком торопитесь?

– Ах, бросьте, Гарри! На что мне рассчитывать? Вы ведь наверняка выиграете. Разве он не всегда побеждает, миссис Лейд? – И он с улыбкой посмотрел на нее, потом на меня, потом на Элспет, и все это без тени эмоции.

Б-г мой, неужели он все-таки узнал мою корму там, в гостиной, и теперь как бы дает понять: «Прими мое предложение, дай мне шанс, или я уничтожу тебя»? Я не был уверен, но это и не важно, так как сообразил, что в любом случае обыграю его, как пить дать. Как, неужели Флэши, этот героический спортсмен, спасует перед каким-то новичком и тем самым признает, что ревнует свою жену к этому жирному щеголю? Нет, мне придется играть и делать вид, что все в порядке. Б-же, он надул меня, как сказал бы старый герцог.

Но на что он надеется? На один шанс из миллиона? Игра в одну калитку – дело случая, но даже так ему не светит побить меня. И все-таки он настаивает на своем, готов уцепиться за любую, самую призрачную, возможность, как это водится у подлых заносчивых типов вроде него. Терять ему нечего – тысяча монет для него все равно что полущка. Ну ладно, остается только уделывать мерзавца и поблагодарить его за щедрость.

– Тогда решено, – радостно говорю я. – Только раз уж вы установили для меня ставку, я устанавливаю вашу. Проигрыш будет стоить вам две тысячи, а не одну. Идет?

Естественно, дон со смехом согласился, заметив, что раз уж я поставил такое кабальное условие, то должен сделать и ему шаг навстречу, отдав ему ничью – то есть при равном счете победа оставалась за ним. Мне оставалось только *побеждать* – но это все ерунда, поскольку я намеревался разгромить его вчистую. Исключительно для порядка, однако я попросил Феликса выступить в роли рефери – мне вовсе не хотелось, чтобы какой-нибудь карманный человек Соломона поднес ему игру на блюдечке.

Итак, с матчем было решено, и Элспет даже сооблаговостила не говорить, что рассчитывает на мое поражение; в самом деле, позже она призналась, что считала дона Соломона *неважным игроком*, которому *нечего надеяться* заполучить ее даром.

– Ты же знаешь, Гарри, я никогда не согласилась бы ехать с ним и с папой против твоей воли. Но раз уж ты *принял* его ставку, это меняет дело, и... О, как замечательно было бы увидеть Индию и... другие чудные места! Но ты, ясное дело, должен постараться и не проиграть *меня*...

– Не беспокойся, старушка, – говорю я, подхватывая ее. – Не проиграю.

Это было перед обедом. К ночи я уже не был настолько уверен.

Пока остальные сидели за портвейном, я решил обследовать площадку и едва только подошел к воротам, как из тени послышалось: «Тсс!», и, к своему изумлению, увидел две или три темные фигуры, выбравшиеся на дорогу. Одна из них выступила вперед, и чирута едва не вывалилась у меня изо рта, когда я узнал славные черты Дедалуса Тигга, ик-сквайра.

– Какого ч-та вы тут делаете? – обрушился на него я. Мерзавец попалался мне на глаза во время одно или двух игр, но я, естественно, избегал встреч с ним. Тигг приподнял шляпу, оглянулся и попросил разрешения уделить ему пару минут. Я порекомендовал ему проваливаться куда подальше.

– О, нет, сэр! – говорит он. – Вы не можете желать такого – только не вы. Не уходите, мистер Флэшмен: обещаю, я не задержу вас надолго. Ну, леди и джентльмены покуда в гостиной, осмелюсь заметить, и вы не замедлите вернуться. Но я слышал, вы намерены сыграть одно-калиточный матч завтра, против отличного спортсмена, мистера Соломона Аслама? Очень знаменитый тип, можно сказать, шикарный...

– Откуда вам известно о его крикете? – спрашиваю я, и мистер Тигг хмельно фыркает.

– Да уж, сэр, говорят, он в поиграл в свое время... Но, Б-же правый, против такого, как вы, ему не выстоять. Да-а, будь это дело в городе, я бы поставил против него полсотни, а можа, и сотню...

– Весьма вам признателен, – говорю я и отворачиваюсь, но тут он заявляет:

– Прикиньте, сэр, могут найтись такие, кто поставит на него чисто из расчета, шо ему попр-лявезет выиграть – но это, канеш, совершенно невозможно против такого сильного игрока, как вы. И все-таки даже такие *иногда* проигрывают – а *если* вы проиграете? Ну, тогда тот, кто поставил тысячу на Аслама – ну только допустим, канеш – этот парень получит тыщ пятьдесят, не меньше. Полагаю, – добавляет он, – мои расчеты верны.

На этот раз я чируту едва не проглотил. Дерзкая, неприкрытая наглость идеи валила с ног – а не было ни малейшего сомнения, что затеял этот подонок: и без слов ясно, какого рода предложение он собирается сделать. Так меня еще никогда не оскорбляли, и я от души пр-лял его нахальство.

– Не к чему повышать голос, сэр, – говорит Тигг. – Не сомневаюсь, вам не по вкусу придется, если услышат, шо вы разговариваете с кем-то вроде меня. Или если узнают, шо в прошлом вам кое-чѐ перепадало за услуги, которые...

– Бессовестный лжец! – кричу я. – Я не получал ни единого пенни из твоих трек-тых денег!

– Ну и ну, подумать только! Неужто этот Винсент опять их прикарманил? Только вот как бы ему это удалось: письма и деньги были вложены в конверт и запечатаны в присутствии двух моих надежных приятелей, которые могут поклясться, шо их отправили вам. А вы, грите, не получали? Ну, видать, этот Винсент шустрее, чем я думал, – придется оторвать ему ч-товы ноги, чтоб поучить уму-разуму. Ну, это по ходу дела, вопрос в том, – тут он ткнул меня пальцем в ребра, – шо мои надежные приятели могут поклясться – и кое-кто им поверит, шо вы получали денежки от букмекера. О, да, за победу, подарок, но все равно получится грязный скандал. Очень грязный.

– Пр-тье! – ярость душила меня. – Если вы надеетесь запугать меня...

Он воздел руки в притворном ужасе.

– Никогда и не допускал такой мысли, мистер Флэшмен! Я знаю, шо вы храбры, как лев, сэр, – о, вам даже не страшно разгуливать по ночам одному по Лондону. Посещать кое-какие странные местечки, полагаю. Места, где иные молодые люди попадают в лапы к разбойникам, которые бьют их едва не до смерти. Да вот, есть у меня один юный друг – точнее, был, потому как нагрубил мне; так с ним случилась такая вот история. Искалечили на всю жизнь, сэр, страшно сказать. А мерзавцев так и не нашли, нет. Ну конечно, ищек в наши дни жутко не хватает...

– Подлец! Да я тебе...

– Ни-ни-ни, мистер Флэшмен. Весьма не советую предпринимать резких движений, сэр. Да и разве есть в этом необходимость, в конце-то концов? – я словно воочию видел на его лице гнусную усмешку, хотя было уже темно. – Просто мистер Аслам должен выиграть завтра – и вы мигом станете богаче на пять тыщенок, дорогой мой сэр. Мои надежные приятели забудут... то, шо видели... и, осмелюсь заявить, никакие бандиты не помешают вам ходить где вздумается. – Он помолчал, потом снова коснулся шляпы. – А теперь, сэр, не смею вас долее задерживать: ваши леди уже заждались. Желаю приятнейшей ночи и выражаю самые прискорбные сожаления, шо не могу пожелать вам победы завтра утром. Но только подумайте, как будет ликовать мистер Аслам, а? Для него это будет такая неожиданность.

С этими словами фигуры растаяли в темноте, до меня долетел смешок Тигга, когда тот со своими дружками затопал по дороге.

Когда я пришел в себя, первой моей мыслью было, что за всем этим стоит Аслам, но здравый смысл подсказывал – он не такой дурак: только молокососы типа меня способны попасть

на крючок к субъектам вроде Дедалуса Тигга. Б-же, каким тупым ослом я был, прикоснувшись к его деньгам! Ему ничего не стоило сделать скандал, да и подстроить мне ловушку темной ночью с него тоже станется. Как же, ч-т побери, мне быть? Если я не позволю Асламу выиграть... Да чтоб я сдох, если позволю! Устроить ему развлекательный тур вокруг света в обществе Элспет, а самому остаться гнить в своей каморке в Сент-Джеймсе? Не пойдет. Но если я побью дона, Тигг придет в ярость, и одной прекрасной ночью его бандиты превратят меня в фарш на какой-нибудь тихой улочке...

Как понимаете, в кровать я лег не в лучшем расположении духа, да и выспался не очень.

Беда не приходит одна. Утром я все еще бился над своей дилеммой, когда на меня обрушился еще один удар, на этот раз посредством пакостного участия мисс Джуди, сатраповой шлюхи. Я расхаживал по гравийной дорожке, нервно куря и барабая пальцами, и наблюдал, как садовники Соломона устанавливают на главной лужайке калитку для нашего матча. Потом принялся бесцельно бродить вокруг дома. Джуди сидела в одной из зеленых беседок, починая газету. Когда я, намеренно не обращая на нее внимания, проходил мимо, она только скользнула по мне взглядом, но стоило мне отдалиться, за спиной раздался негромкий голос:

– Ищите миссис Лео Лейд?

Не самое лучшее начало для разговора. Резко остановившись, я повернулся к ней. Переворачивая страницу, она продолжила:

– На вашем месте я бы не стала этого делать. Боюсь, нынче утром она не принимает.

– На кой ч-т она мне сдалась?

– Вот это и герцога интересует, осмелюсь доложить, – говорит мисс Джуди, пряча за газетой лукавую улыбку. – К вам он еще не обращался с расспросами? Ну что ж, всему свое время, без сомнения. – И Джуди, вся такая невозмутимая, чтоб ей сд-уть, продолжила чтения, в то время как у меня сердце застучало, как молот.

– К чему ты, ч-т возьми, клонишь? – говорю, и, поскольку она не удостоила меня ответом, вышел из себя и вырвал газету у нее из рук.

– Ах, вот и мой малыш! – восклицает она, глядя теперь прямо на меня и оскалившись в иронию. – Может, ты собираешься меня ударить? Лучше не стоит – поблизости так много людей, и им лучше не видеть, как герой Кабула бьет леди. Не так ли?

– Не «леди»! – ору я. – Надо говорить «шлюху».

– Мне сказали, что именно так герцог обозвал миссис Лейд, – отвечает Джуди, грациозно поднимаясь и раскрывая над собой зонтик. – Хочешь сказать, что не слышал этого? Ну так услышишь, и довольно скоро.

– Прямо сейчас! – говорю я, хватая ее за руку. – Б-же правый, если ты или кто-нибудь еще распространяют тут обо мне разные сплетни, вы за это ответите! У меня нет ничего общего ни с миссис Лейд, ни с герцогом, ясно тебе?

– Неужели? – она смерила меня с головы до пят взглядом, сопровождаемым своей ехидной ухмылкой, и резко высвободила руку. – В таком случае миссис Лейд лжет. В чем я и не сомневалась.

– Что ты имеешь в виду? Ты скажешь мне прямо сейчас или...

– О, даже не собираюсь лишать себя такого удовольствия, мне просто хотелось немного помучить тебя сначала. Итак: одна маленькая птичка из отеля герцога нашептала мне, что вчера ночью между герцогом и миссис Лейд произошла ссора – полагаю, такое случается частенько: его подагра, знаешь ли. Разговор шел на повышенных тонах – сначала с его стороны, потом с ее, и в ход шли разные эпитеты – ну ты, наверное, знаешь, как это бывает. Всего лишь обычная семейная сцена; но боюсь, миссис Лейд – женщина не слишком умная, так как когда речь зашла о... способностях его светлости – даже и не знаю, с какой стати – она имела глупость упомянуть твоё имя, да еще проведя невыгодное для герцога сравнение. – Мисс Джуди мило улыбнулась, эффектным движением поправив свои каштановые пряди. – Мне сдается, ее

слишком легко удовлетворить. И уж совсем безумием было так выдавать своего дыхателя. Так или иначе, его светлость, был так уязвлен, что его ревность...

– Это ч-ва ложь! Я и близко не подходил к этой потаскухе!

– Ну конечно, без сомнения, она перепутала тебя с кем-то еще. Видно, ошиблась в подсчетах. Однако его светлость поверил ей: ревнивые любовники часто исходят из худшего. Конечно, мы надеемся, что он простит ее, но не удивлюсь, если на тебя его прощение не распространится, и...

– Заткни свой поганый рот! – кричу я. – Все это вранье: если эта тварь оболгала меня, или это ты распускаешь обо мне грязные слухи, клянусь Б – ом, вы обе пожалеете, что на свет родились...

– Ну вот, ты опять цитируешь герцога. Похоже, весьма скорый на руку пожилой джентльмен. Он заявил – самым громким голосом, если верить постоялице отеля, – что натравит на тебя боксера-профессионала. Кажется, у него в подопечных значатся такие личности, как Конт и Большая Пушка, но я плохо смыслю в таких вещах...

– До Элспет дошли эти гнусные измышления? – восклицаю я.

– Если бы я знала, что она поверит, сама сказала бы ей, – заявляет эта подлая дрянь. – Чем скорее станет ей известно, за какого кобеля она вышла замуж, тем лучше. Но Элспет достаточно глупа, чтобы боготворить тебя – большую часть времени. Будет ли она находить тебя столь же привлекательным после того, как герцогский боксер тебя хорошенько поколотит, это другой вопрос. – Удовлетворенно вздохнув, она повернулась прочь. – Ну и ну, Гарри, ты же весь дрожишь – а тебе ведь нужно быть твердым в преддверии матча с доном Соломоном. Все так ждут этого зрелища...

Как можете себе представить, я остался стоять, обуреваемый злобой и мрачными предчувствиями. Было трудно поверить, что эта тупая корова Лейд похвасталась своему покровителю про то, как наставляла ему рога со мной, но некоторые женщины бывают так глупы, особенно в запале – и вот теперь эта мстительная старая развалина напустит на меня своих псов⁴³ – прибавьте к сказанному вчерашние угрозы Тигга, и получится более чем достаточно. Неужели самовлюбленный старый пень не понимает, что его резвая кобылка нуждается время от времени в молодом седоке, чтобы поддерживать себя в форме? Вот так я и стоял: куда ни глянь – всюду тучи, и как быть в матче с Соломоном, тоже неясно. В этот момент приходит Минн, чтобы проводить меня к площадке для великого поединка. О крикете в эту минуту я думал меньше всего.

Наша компания, разбавленная изрядным числом местных сливок, уже устроилась в креслах и шезлонгах на лужайке перед домом. Благодарение Г-ду, герцога и миссис Лейд не было – скорее всего, еще крушат друг об друга мебель в отеле, – зато Элспет занимала место в самом центре, а рядом с ней сидела Джуди, с видом таким, будто только что подлизала остатки торта. «Болтливая потаскушка, – подумал я, стиснув зубы, – я с тобой еще поквитаюсь».

На другой стороне лужайки собралась пестрая толпа, так как Соломон по такому случаю открыл ворота, а также установил шатер, в котором жаждущие могли угоститься бесплатным пивом и закусками. Что ж, если ему так хочется быть принародно побитым, это его дело. Впрочем, Б-же мой, неужели я решусь побить его? В довершение моего смятения среди группы ярко одетых субъектов, стоящих под деревьями, я заметил не что иное, как алый жилет и столь

⁴³ Распространенная среди знати в годы Регенства практика протезировать боксеров-профессионалов и пользоваться их услугами (как правило, после их ухода с ринга) в качестве телохранителей и громил не до конца еще исчезла в годы юности Флэшмена, так что его опасения мести со стороны герцога были, возможно, не беспочвенны, особенно принимая во внимание имена, названные Джуди. Бен Каунт, известный в народе как Биг Бен (говорят, что колокол часовой башни Вестминстера прозвали так именно в его честь), был знаменитым чемпионом в тяжелом весе в сороковые годы, а другой боец, которого можно опознать только как Тома Кэннона – «Большую Пушку Виндзора», обладал чемпионским титулом в двадцатые годы. (Комментарии редактора рукописи).

же красочную физиономию Дедалуса Тигга, ик-сквайра, пришедшего, надо полагать, проследить за судьбой своей большой ставки. Рядом с ним толпились несколько столь же неотесанных парней, дувших эль и похохатывавших.

– Ты разошелся во мнениях с завтраком, Флэши? – говорит Минн. – Ты выглядишь несколько нездоровым. Эге, твой соперник уже готов. Идем же.

Соломон был уже на лужайке, весь такой деловой в своих вельветовых брюках, спортивных туфлях и с соломенной шляпой на темной голове. Он улыбнулся мне и пожал руку, на что сливки общества вежливо захлопали, а простонародье разразилось криками и стуком кружек. Я скинул сюртук и переобулся, после чего малыш Феликс подкинул монетку. Я назвал «решку» и угадал.

– Отлично, – говорю я Соломону. – Вы отбиваете первым.

– Превосходно, – восклицает он, сверкнув зубами. – И пусть победит сильнейший!

– Так и будет, – отвечаю я и прошу подать мяч, тогда как Соломон, вот наглец, отправляется напрямик к Элспет и разыгрывает целую комедию, прося пожелать ему удачи. Он даже набрался дерзости потребовать у нее платочек, чтобы привязать к своему поясу.

– Я должен носить цвета своей дамы! – восклицает он, вызвав всеобщее веселье.

Разумеется, она пошла ему навстречу, но потом, перехватив мой взгляд, пролепетала, что я тоже должен носить ее цвета, чтобы было честно. Но другого платка у нее не нашлось, и подлюка Джуди предложила дать мне свой – и все закончилось тем, что я засунул сморкальник этой шлюхи себе за ремень, а она наблюдала за этой картиной, всласть потешаясь исподволь.

Мы вместе подошли к калитке, и Феликс поставил Соломона на позицию. Тот, не теряя времени даром, стал деловито осваиваться на площадке и настукивать ямку для биты, меня же всего трясло, пока я разминал руку. Я подметил, что играть нам предстоит на рыхлом дерне, что особых выгод мне не сулит, ибо Соломон наверняка тоже принял это в расчет. Тем лучше для него.

– Играем! – дает команду Феликс, и на лужайке воцаряется тишина. Все ждали первого броска. Соломон приготовился; я же, подтянув ремень, подал ему одну из своих фирменных – поклясться могу, он побледнел, когда мяч со свистом пролетел мимо его лодыжки и коснулся поля уже в кустарниках. Толпа завопила; я развернулся и подал снова. Он не был плохим отбивающим. Следующий мой мяч он отразил с лету, третий отбил прямо на меня, а на четвертом сорвал всеобщие аплодисменты, совершив две пробежки. «Эге, – думаю я, – и что мы тут имеем?» Я подал медленно, и Соломон запулил мяч аж в деревья, и мне пришлось продираться сквозь толпу, а он тем временем заработал пять очков. Возвращаясь к линии подач, я пыхтел и был вне себя от ярости, но встряхнулся и послал мяч по прямой, с ураганной силой; дон отскочил и перевел его за калитку. Зрители взвыли от восторга, а я стиснул зубы.

До меня начало доходить, какой поганой затеей может быть однокалиточный матч без полевых, когда тебе приходится носиться за каждым мячом. Силы расходуются, а для быстрого подающего это смерти подобно. Хуже того, отсутствие полевых означает, что некому ловить мячи сразу за шестью, а для игроков моего стиля это утрата доброй половины калиток. Приходилось самому подавать и самому подбирать, и с учетом скользкой травы и удачной работы моего соперника битой я вскоре выглядел так, будто на мне мешки таскали. Переводя дух, я подал ему медленную, а следом четыре самых быстрых, какие только мог. Первая из них чиркнула по столбу, зато три прочих дон принял молодцом, полной битой, и заработал на них пять пробежек. Зрители хлопали, как сумасшедшие, а Соломон улыбался и махал шляпой. «Ладно, – думаю, – мы еще поглядим».

Я сделал еще несколько подач – они принесли ему еще восемь осторожно набранных очков – пока не дождался удобного момента. Мяч на отскоке полетел в мою сторону, с левой руки, и я, побежав на перехват, намеренно поскользнулся и дал ему проскочить. Соломон, оставшийся на месте, при виде такого дела ринулся вперед с расчетом выгадать пробежку. «Ну

держись, у-к», – думаю я и, раскорячившись у него на пути, от души заезжаю ему пяткой в колено, вроде как случайно. Он вскрикнул, но я уже несся во весь дух, подобрал мяч, сбил калитку и после обернулся, как бы посмотреть, где дон. Но я-то *знал* где! Соломон катался на своей жирной заднице, тетешкая колено и ругаясь по чем зря.

– Ну и дела, дружище, – говорю. – Что случилось? Поскользнулся?

– А-а-а! – стонет дон, и на этот раз на лице у него не было улыбки. – Вы сломали мне ногу, вот что!

– Как? Не может быть! О Г-ди, неужто я мог? О, мне страшно жаль, правда! Видите, я сам поскользнулся. О, Б-же правый! – говоря я, схватившись за голову. – А я еще сбил вашу калитку! Если бы я знал... я хочу сказать... Феликс, дон ведь не выбит, правда? Ведь это было бы нечестно!

Феликс заявил, что он выбит, без всякого сомнения: разве виноват Флэши в том, что поскользнулся и Соломон врезался в него? Я стал отнекиваться, что не могу, мол, воспользоваться такой случайностью, и пусть дон доиграет свой иннинг. Соломон уже поднялся, потирая колено, и стал твердить, что игра сыграна и тут ничего не поделаешь. Улыбка снова вернулась к нему, только теперь она вышла немножечко кособокая. Так мы и продолжали препираться, как полагается добрым христианам. Я рассыпался в сожалениях, настаивая разрешить ему отбивать дальше, пока Феликс не поставил точку, объявив, что Соломон вышел, и на этом все. И очень вовремя: терпение у меня заканчивалось, и я уже готов был сам обвинить дона.

Выходит, настала моя очередь отбивать. Я качал головой и продолжал твердить, что мне так стыдно за случившееся; Соломон возражал, что причиной всему его неуклюжесть, и мне не в чем винить себя, а толпа одобрительно гудела при виде столь спортивного духа.

– В следующий раз врежь ему по причиндалам! – раздался мне в спину голос из-под деревьев, но я сделал вид, что не слышу.

Я встал на линию. У Соломона двадцать одно очко; посмотрим, как он проявит себя на подачах.

Зрелище было комичное. В качестве отбивающего дон смотрелся неплохо, несмотря на массивность, но когда я увидел его, ковыляющего к линии подач, словно обожравшаяся утка, и покрасневшего от волнения, то сразу понял – в обращении с мячом он профан. Я был почти изумлен: обычно грациозный и подвижный для своей комплекции, на подаче Соломон напоминал ломовую лошадь, которую тащат на убой. Разбежавшись торжественно-сосредоточенно, как вдова, бросающая мяч в кокос, он подал, и я усмехнулся про себя. Проследив за траекторией, я уверенно взмахнул битой и... отбил мяч прямо ему в руки, вылетев, таким образом, из игры.

Зрители в изумлении взвыли, и не они одни, клянусь святым Георгом. Я с проклятием вертанул битой; Соломон недоверчиво таранился на меня, наполовину хмурясь, наполовину радуясь.

– Уверен, вы сделали это намеренно! – кричит он.

– Еще чего! – огрызаюсь я.

У меня был расчет врезать ему при удобном случае, но не сейчас. Стоит заметить, кстати, когда дело слишком простое, мы так часто его портим – не правда ли? Я готов был пинать себя за разгильдяйство – то есть вел себя, как крикетер. С двадцатью одной пробежкой мне ничего не стоило теперь проиграть матч. Вопрос был только в том, хочу ли я этого? Под деревьями мелькал красный жилет Тигга; с другой стороны, вот сидит Элспет, вся такая сияющая, хлопает затянутыми в перчатки руками и кричит: «Отлично сыграно!». Соломон элегантно коснулся шляпы, а я попытался сделать вид, будто ничего не случилось. Ч-т, она болеет за него – без сомнения, ей уже мерещится прогулка под тропической луной, в то время как этот зануда Флэши остался далеко-далеко... Ну уж нет; к дь-лу Тигга и его угрозы: я намерен выиграть этот матч, и пусть все отправляются куда подальше.

Покуда окружившие нас сливки общества тараторили наперебой, мы подкреплялись сэндвичами, а местный врач наложил мазь на колено Соломона.

– Шикарный матч, дружище! – кричит дон, поднимая в мою честь бокал с лимонадом. – Я намерен подать вам еще несколько своих высоких!

Я рассмеялся и выразил надежду, что они не получатся такими неберущимися, как первая, оставившая меня совершенно не у дел, и этот ч-ов фермер прямо-таки расплылся в улыбке.

– Это *так* восхитительно! – говорит Элспет. – Ах, *кто* же выигрывает? Даже не знаю, вынесу ли я, если кто-то из них проиграет? А ты, Джуди?

– Еще бы, – отвечает Джуди. – Такая игра! Но только подумай, дорогая, ты не проиграешь в любом случае: если победит дон, ты отправишься в роскошный вояж, а при успехе Гарри утетишься двумя тысячами фунтов, которые сможешь потратить как тебе заблагорассудится.

– Ах, об этом я и не подумала! – восклицает моя очаровательная супруга. – Главное – это игра.

Ч-ва дура.

– Продолжаем, джентльмены, – объявляет Феликс, хлопнув в ладоши. – С едой и питьем покончим после крикета. Вашу руку, дон, – и он вывел нас на второй иннинг.

За свою первую серию подач я многому научился, подметив слабые и сильные стороны Соломона. Он был быстр, крепок в ногах и превосходно отбивал назад, но я подметил, что с ударами вперед у него не так здорово, так что решил подавать с отскоком повыше, метя в ближний к ноге шест калитки – у меня теплилась надежда если не захватить ему в живот, так заставить попрыгать. Но он принял хорошо, держа биты на весу, и сделал одну пробежку. Но я тоже не дурак: успокоив его мячом, направленным прямо под ноги, следующий я подал в обвод – дон даже не шелохнулся, и его внешний шест был сбит напрочь.

На этот раз ему удалось сделать десять пробежек, так что мне для победы нужно было тридцать две – и хотя против слабака-подающего это не так много, единственная ошибка может стать фатальной. К тому же отбивать – не мой конек. Но если постараться, мне по силам оставить мастера Соломона с носом. Если захочу, конечно, поскольку, встав в позицию, я заметил краем глаза красный жилет Тигга, и по моей спине побежали мурашки. Клянусь Георгом, если я выиграю и его денежки пойдут прахом, он ни перед чем не остановится, чтобы разделаться со мной – как в прямом, так и в переносном смысле, и костоломы герцога ему в этом охотно помогут. Надо же было угодить в такую переделку! Но Феликс уже закричал: «Играем!» – и дон разбежался для первой из своих уродских подач.

Странное дело с этими плохими подачами – их бывает ч-ки трудно отбить, особенно если на кону твоя шкура и тебе не до своего привычного бесшабашного стиля. В обычной игре я бы размазал Соломона по лужайке, но теперь боязливо жался назад, принимая его простейшие мячи – ни малейшей подкрутки, только прямая линия – и так нервничал, что некоторые отразил самым краем биты. Будь в поле хоть старуха, чтобы ловить отскок, со мной все было бы кончено. В него это вселило ложную уверенность в своем превосходстве, а толпа радовалась каждому мячу, предвкушая посрамление бедолаги Флэши.

Но я, стяхнув первоначальное оцепенение, ухитрился хорошо запустить пару мячей и испытал немалое удовольствие, видя, как он носится, обливаясь потом, пока я делаю несколько одиночных. Есть проблема с однокалиточными матчами: даже хороший отбой может не принести тебе большой выгоды, так как ради одного очка тебе надо добежать до линии подач и вернуться, в то время как в обычном матче это даст целых два. Все эти рейды по полю никак не отразились на его подачах, оставшихся такими же скверными и такими же прямыми, как раньше. Я приспособился и набрал двенадцать, а когда он подал мне без отскока, дал мячу пролететь и запулил его прямо через крышу. Мне удалось сделать восемь пробежек, пока дон, под свист пацанов и возбужденные крики дам, сломя голову огибал дом. Я метался между

калитками под дружный отсчет толпы, и начал уже думать, что обойду его по очкам, но тут он появился снова, красный как рак, и метнул мяч к линии, заставляя меня остановиться.

Итак, я набрал двадцать пробежек, и для победы нужно было еще двенадцать, и оба мы пыхтели, как киты. Теперь откладывать было некуда, настала пора решать: выиграть и получить проблемы с Тиггом или проиграть, предоставив Соломону целый год безнаказанно соблазнять Элспет на своем проклятом корыте. Представив, как он сально жметя к ней, разомлевшей от луны и лести, у гакаборта, я едва не взбесился и отбил следующий мяч прямо к парадной двери, заработав еще три очка. Но пока я ждал следующей подачи, заметил эту сволочь Тигга – тот стоял, надвинув шляпу на брови и засунув большие пальцы за жилет, в окружении своих головорезов. Я замешкался, прозевал мяч, и тот пролетел на волосок от перекладины.

Как же, ч-т возьми, быть? Тигг бросил через плечо реплику одному из своих присных – и я с силой отбил следующий мяч, послав его высоко над головой Соломона. Я ринулся в пробежку, успев добавить к ней еще две. Итого до победы оставалось семь. Дон снова подал, и на этот раз здорово: мне едва-едва удалось достать мяч, отбив его на расстояние, достаточное для одиночной пробежки. Еще шесть, и зрители хлопали и смеялись, не сводя с нас глаз. Я облокотился на битую, наблюдая за Тиггом и пытаюсь унять безотчетный страх – нет, он не был безотчетным. Мне грозила перспектива быть уличенным в том, что я брал деньги у жулика, да вдобавок его головорезы разукрасят мне физиономию в какой-нибудь тихой аллейке Хаймаркета. *Нужно* проиграть: если даже Соломон будет наставлять мне с Элспет рога по всему Востоку, я этого хотя бы не увижу. Я посмотрел на нее: она стояла и так мило махала мне, подбадривая; поглядел на Соломона, разбегающегося для подачи, – его черные волосы блестели от пота, а глаза горели.

– Нет, Б-ом клянусь! – вскричал я и отбил подачу с такой силой, что мяч пулей просвистел через окно цокольного этажа.

Как же они кричали, когда Соломон ломился через ряды сидений, заставляя дам прыскать врассыпную, в то время как мужчины едва не валились на землю от хохота. Дон влетел в парадную дверь, а я, заканчивая вторую пробежку, бросил взгляд на зловещую фигуру в красном жилете. Только он и его дружки стояли спокойно и молча посреди беснующейся толпы. ч-ов Соломон – он что, будет искать этот ч-ов мяч вечно? Я продолжал бегать, чувствуя, как снова теряю уверенность; тут, к концу третьей пробежки, из дома донесся вопль и Соломон, растрепанный, но довольный, выскочил наружу. Еще три очка, и матч будет мой.

Но я смогу, не посмею выиграть – помимо прочего, будь я твердо убежден в целомудрии Элспет, а так: одним Соломоном больше, одним меньше – никакой разницы. Лучше уж быть рогоносцем, чем опозоренным калеккой. Последние полчаса меня кидало из стороны в сторону, но теперь я твердо решил слить игру. Взмахнув битой, я пропустил мяч, но тот не попал в калитку; потом отбил прямо на него, но с недолетом; на следующей подаче начал пробежку, которую не должен был закончить, но этот жирный олух, которому только и оставалось, что сбить победную калитку, промазал от волнения. Я приплелся на рубеж под возбужденный шум зрителей. Соломон – Флэши 31:30, и даже коротышка Феликс в нетерпении перетаптывался с ноги на ногу, давая дону сигнал подавать.

На поле не слышалось теперь ни звука. Я замер у черты сам не свой, а Соломон отошел на двойную дистанцию, переводя дух, потом взял мяч. Я все прикинул в уме: будет прямая подача, которую я пропущу и позволю выбить себя из игры.

И можете себе представить: следующие три подачи оказались кривыми, как совесть еврея! У забегавшегося Соломона бока ходили, как у молочной коровы, и ему никак не удавалось придать мячу нужное направление. Я позволял ему пробовать, пока толпа гудела от разочарования. Когда очередная подача полетела опять же криво, я решился-таки действовать: подпрыгнув, я постарался отбить по направлению к нему, приговаривая: «Раз уж ты не можешь выбить меня, жирнозадый увалень, так хоть вылови, Хр-та ради!» В спешке я споткнулся,

инстинктивно взмахнул битой, и отраженный мяч взмыл в небо, пронесаясь, как казалось, в нескольких милях над его головой. Он повернулся и побежал за ним, а мне оставалось только плестись к другому концу поля, молясь, чтобы он поймал мяч. Когда я дошел до линии подачи и обернулся по пути назад, мяч еще был в воздухе; Соломон – с разинутым ртом и распростертыми руками пытался вычислить место падения, а все на поле затаили дыхание. И вот мяч опускается в его подставленные ладони; дон хватает его, спотыкается, теряет равновесие – и к моему ужасу, сопровождаемому дружным воплем зрителей, – роняет. Он делает судорожное движение руками и растягивается во весь рост на дерне, тогда как ч-ов мячик катится себе по траве все дальше и дальше.

– Ах ты... ты, криворукий у-к! – заорал я, но голос мой потерялся в общем гомоне.

Я достиг своей линии, заработав очко, и мне оставалось только отправиться во вторую, победную, пробежку, а Соломон так и лежал плашмя, в десяти ярдах от мяча.

– Беги! – раздался вопль. – Беги, Флэши!

И бедному, отчаявшемуся Флэши ничего не оставалось как покориться – судьба матча была в моих руках, и я не мог перед глазами сотен зрителей дать понять, что проиграл его намеренно.

И я снова пустился бежать, изображая рвение, и артистично споткнулся в надежде дать ему шанс добраться до мяча и выбить меня. Упав, я посмотрел на него: Пр-тье, мерзавец все еще полз за своей упущенной добычей. Вечно лежать было нельзя, так что я поднялся как можно медленнее, с видом до предела уставшего человека, но даже так достиг черты раньше, чем Соломон подобрал мяч; теперь единственной его надеждой было бросить с добрых тридцати ярдов и разбить мою калитку, пока я бегу обратно к линии отбивающего. Было ясно как день, что шансов с такого расстояния у него никаких – и мне оставалось только ринуться вперед, к победе и гибели от рук Тигга. Толпа буквально бесновалась, когда я достиг первой линии: еще три шага – и меня ждут выигрыш и катастрофа. Тут вдруг земля медленно уходит у меня из под ног, люди и калитка пропадают из виду, звуки стихают до невнятного шепота, я аккуратно приземляюсь и скольжу по траве, думая: «Вот то, что нужно: приятный, сладкий отдых; как удивительно хорошо...»

Я гляжу в небо, вид которого загораживает Феликс, обеспокоенно глядящий на меня, за его спиной проявляется мясистое лицо Минна, который говорит: «Подними голову, пусть дышит. Вот, дайте ему глотнуть». По зубам моим стучит горлышко бутылки, и небо обжигает вкус бренди. Потом проявляется жуткая боль в затылке и еще несколько взволнованных лиц; среди гомона голосов я различаю пронзительный голос Элспет.

– Что... Что случилось? – спрашиваю я, когда меня приподняли.

Ноги мои были, как ватные, и Минну пришлось поддержать меня.

– Все в порядке! – говорит Феликс. – Он попытался сбить твою калитку и попал мячом тебе по черепу. Ну и ну, ты свалился, как подстреленный кролик!

– И калитку твою он тоже сбил – уже после, чтоб ему провалиться, – добавляет Минн.

Я заморгал и ощупал голову – на ней вздулась шишка размером с футбольный мяч. Тут появляется Соломон, ревуший, как белуга; он всплескивает руками и кричит: «Дорогой Гарри, вы в порядке? Бедный мальчик, дайте же мне взглянуть!» Он разразился извинениями, но Минн, как я подметил, смотрел на него с прохладцей, а Феликс суетился, стараясь сдерживать любопытствующих.

– Вы имеет в виду, что я выбыл? – говорю я, пытаюсь собраться с мыслями.

– Боюсь, что так! – вопит Соломон. – Знаете, я так увлекся, бросая мяч, что не заметил, как он попал в вас... Смотрю, вы лежите, мяч валяется... Ну, в волнении я просто подбежал и схватил его... И разбил калитку. Мне жаль, – опять затараторил дон. – Конечно, я бы никогда не воспользовался таким преимуществом... Если бы имел время поразмыслить. Все произо-

шло так стремительно, знаете ли. – Он обвел взглядом собравшихся, глупо ухмыляясь. – Да, это было случайно, как в первом иннинге, когда Флэши меня выбил.

Тут все загалдели, потом подбежала Элспет, охая по поводу моей головы и требуя принести нашатырь и соли. Успокаивая ее, я собирался с мыслями и прислушивался к спорам: Минн настаивал, что это нечестно – выбивать парня, когда он без сознания. Феликс возражал: с точки зрения правил, я-де выбит честно, да и как ни крути, сперва подобная вещь произошла с Соломоном, что, конечно, очень необычно, если поразмыслить над совпадением. Минн утверждал, что это другое, так как мне было невдомек насчет того, что Соломон вне игры. Если на то пошло, говорил Феликс, Соломон тоже не знал, что я вне игры. Минн же фыркнул, выражая сомнение, и заявил, что если у них в Итоне было принято так играть, то неудивительно, что... И так далее.

– Но... Кто же *победил*? – спрашивает Элспет.

– Никто, – отвечает Феликс. – Ничья. Флэши сделал пробежку, в результате чего счет стал равным – 31:31, и бежал еще одну, но был выбит. Так что победителя нет.

– А если припоминаете, – заявляет Соломон – и, хотя улыбка его была такой же любезной, как всегда, скрыть торжествующий блеск в глазах ему не удалось, – вы обещали отдать мне ничью, что означает, – и он поклонился Элспет, – что я буду иметь честь пригласить вас, любезная Диана, и вашего батюшку, подняться на борт моего судна. Мне искренне жаль, что наша игра закончилась вот так, дружище, но мне не остается ничего иного, как затребовать свой выигрыш.

Кто бы сомневался. Он поквитался со мной за то, что я подбил его в первом иннинге, и то, что я провернул свое мошенничество ловчее, чем он, утешало слабо – особенно при виде ликующей Элспет, хлопающей в ладоши от радости и одновременно пытающейся утешить меня.

– Это не крикет, – буркнул мне Минн, – но ничего не поделаешь. Плати и улыбайся: ч-ки плохо быть англичанином и играть против иностранцев – они не джентльмены.

Сомневаюсь, что Соломон слышал его – он слишком был занят собой. Обняв меня за плечи, дон приказал подать в доме устрицы и шампанское, простому же люду принести еще пива. Так вот он выиграл пари, не победив в матче. Отлично, теперь я хотя бы избавлюсь от Тигга, так как... И тут меня пронзила ужасная догадка – как раз в тот самый миг, когда я поднял глаза и разглядел в толпе красный жилет, а над ним – раскрасневшуюся злую физиономию. Стиснув губы, Тигг смотрел на меня, рвя на куски нечто, что, как я догадался, было квитанцией на ставку. Он дважды с угрозой кивнул мне, резко развернулся и был таков.

Тигг тоже потерял свои деньги. Он поставил на мое поражение и победу Соломона – а у нас вышла ничья. Из-за своего невезения и колебаний я получил самый скверный результат из возможных: Элспет едет с Соломоном в трек-тый круиз (как ни крутись, никуда не денешься), а Тигг потерял свою тысячу. Теперь он растрезвонит всем, что я брал у него деньги, и натравит на меня своих мерзавцев... Ох, И-се, тут еще и герцог, пообещавший отомстить мне за возвращение своей красотки. Что за дь-ская переделка!

– Эй, вы в порядке, приятель? – восклицает Соломон. – Вы что-то снова побледнели. Ну-ка, помогите мне отвести его в тень. Давайте приложим лед к голове...

– Бренди, – прохрипел я. – Нет-нет... все отлично, просто минутная слабость. Удар и старая рана, понимаете ли. Мне нужно немного времени... чтобы прийти в себя... собраться с мыслями...

Ну и неприятные были это мысли! Как, ч-т побери, мне выбираться из такой западни? И они еще называют крикет безобидным времяпрепровождением!

* * *

[Выдержка из дневника миссис Флэшмен,
... июня 1843 года]

Произошла самая удивительная вещь – милый Гарри согласился поехать с нами в путешествие!!! Я счастлива сверх всякой меры! Он даже пожертвовал Перспективой Назначения в Лейб-гвардию – и все ради Меня! Это было так *неожиданно* (но так похоже на моего Милого Героя). Едва закончился матч, и дон С. заявил права на свой Приз, Г. очень серьезно так говорит, что хорошенько поразмыслил, и хотя предложенная ему Военная Карьера очень привлекает его, *он не вынесет расставания со мной!!* Такое Свидетельство Привязанности растрогало меня до слез, и я не могла удержаться, чтобы не обнять его – боюсь, это вызовет *некоторые* пересуды, но мне все равно!

Дон С., разумеется, с радостью согласился на то, что Г. едет с нами, едва только убедился, что мой драгоценный принял окончательное решение. Дон С. так добр: он напомнил Г. про то, какую высокую честь тот отклоняет, не вступая в Лейб-гвардию, и спросил, *твердо ли* намерен Г. отправиться в путь, ибо ему не хотелось бы стать для него причиной тех или иных затруднений. Но Мой Любимый, потирая свою бедную голову и выглядя *таким бледным, но решительным*, ответил в прямолинейной своей манере: «Я еду, если вы не против». Я была вне себя от радости и желала уединиться с ним, чтобы сполна выразить свою Глубокую Признательность за его решение, так же как и свою *неисчерпаемую любовь*. Но увы – это пока невозможно, так как почти тут же Г. объявил, что ему необходимо уехать в Город, чтобы уладить до отплытия Срочные Дела. Я, конечно, предложила поехать с ним, но он не захотел и слышать – так не хотелось ему прерывать мой отдых здесь. Ах, Лучший из Супругов! На том и порешили. Г. пояснил, что Дела потребуют времени, и он не знает, *когда* освободится, но присоединится к нам уже в Дувре, откуда мы отправимся на Загадочный Восток.

И он уехал, не приняв даже приглашения нашего *драгоценного друга* Герцога посетить его. Мне было сказано отвечать на *все расспросы*, что он уехал по Личным Делах – без сомнения, всегда найдутся Люди, жаждущие докучать моему милому, ставшему таким знаменитым – не только Герцог и ему подобные, но и Простые Смертные, рассчитывающие пожать ему руку и хвастать этим впоследствии перед своими Знакомыми. Пока же мне, дорогой мой дневник, остается в одиночестве – если не считать компании дона С., разумеется, и моего дорогого Папы – дожидаться начала Великого Приключения и Радостного Воссоединения с моим Ненаглядным в Дувре, каковое послужит Прелюдией, как я надеюсь, к нашему Сказочному Путешествию в Романтическую Неизвестность...

[Конец выдержки. – Г. де. Р.]

IV

Одно дело было – принять решение плыть в круиз с Соломоном, но совсем другое – благополучно попасть на борт. Мне предстояло десять дней скрываться в Лондоне, словно участнику порохового заговора, шарахаясь от собственной тени и прячась от наймитов герцога – и Дедалуса Тигга. Вы можете сказать, что я перестраховывался и опасность была не так велика, но вы не знаете, на что способны были люди вроде герцога в дни моей юности: им все еще казалось, что на дворе восемнадцатый век, а значит, они могут натравить на обидчика своих костоломов и полагаться на свой титул, который избавит их от любых неприятных последствий. Я лично никогда не являлся сторонником Билля о Реформе, но нет никакого сомнения, что аристократия нуждалась в узде.

Короче говоря, не требовалось высшей математики, чтобы понять: страну надо покидать немедленно. Конечно, жалко было упускать Лейб-гвардию, но если Тигг затеет скандал, мне так и так придется забыть о ней; ты можешь быть дебилом-виконтом с волчьей пастью и тебя сочтут пригодным командовать Королевской Конно-гвардейской бригадой, но если узнают, что ты брал у букмекера деньги за услуги – то да смилуются над тобой небеса, будь ты хоть лучшим солдатом в мире. Так что не оставалось ничего иного, как залечь до отплытия на дно, приняв только краткий визит в Конную Гвардию, дабы сообщить дяде Биндли плохие вести. Услышав их, тот от удивления весь аж вытянулся.

– Правильно ли я понимаю, – говорит, – что ты отказываешься от назначения – бесплатного патента, смею напомнить – в Конно-гвардейскую бригаду, выхлопотанного тебе по личному настоянию лорда Веллингтона, ради того, чтобы шляться по заграницам в обществе своей жены, ее экстраординарного папаши и этого... этого типа с Треднидл-стрит?⁴⁴ – Дядю переделернуло. – Это же почти как путешествие по торговым делам.

– Ничего не в силах поделать, – отвечаю. – Не могу сейчас оставаться в Англии.

– Ты отдаешь себе отчет – это равносильно тому, что отклонить честь, предложенную непосредственно Троном? Что никогда больше тебя не удостоят подобного отличия? Я понимаю, что ты глух к большинству норм поведения и здравого смысла, но даже тебе должно быть понятно...

– Пр-тье, дядя! – перебиваю его я. – Мне нужно уехать!

Он окинул меня своим высокомерным взглядом.

– Звучит почти отчаянно. Я не ошибусь, предположив, что в противном случае тебя ожидает скандал?

– Да, – неохотно соглашаюсь я.

– Ну, это все меняет! – восклицает он. – И почему ты сразу не сказал? Видимо, тут замешана некая дама.

Я кивнул и дал понять, что в дело вовлечен герцог и что все это выдумки, на что Биндли снова фыркнул и заявил, что никогда еще акции Палаты пэров не стояли так низко. Дядя пообещал переговорить с Веллингтоном, и раз уж, с точки зрения чести семьи, нежелательно, чтобы мой отъезд выглядел как бегство, найти для моего визита на Дальний Восток некое официальное прикрытие. В итоге через пару дней в комнату над ломбардом, которую я избрал своим тайным прибежищем, был доставлен документ, поручающий мне отправиться в Сингапур с целью проинспектировать первую партию австралийских лошадей, предназначенную для пере-

⁴⁴ Треднидл-стрит – один из основных коммерческих центров Лондона. На этой улице располагались здания Английского банка и Биржи.

дачи следующей весной в распоряжение индийской армии Компании.⁴⁵ Отличная работенка, старина Биндли! Да, у дяди были свои методы.

Так что теперь дело было только за тем, чтобы пробраться последнего числа месяца в Дувр, что я и проделал, приехав после наступления темноты и просочившись со своим саквояжем на причал под прикрытием толпы. Я молил Б-га, чтобы ни Тигг, ни герцог не расставили здесь своих подонков с целью перехватить меня – ничего, конечно, не случилось, но я не прожил бы такую долгую жизнь, если бы не исходил из худшего и не готовился к нему. Лодка перевезла меня на паровой бриг Соломона, где состоялось великое воссоединение двух влюбленных: Элспет квохтала надо мной, сгорая от нетерпения вызнать, где я *пропадал*, – она же так *переживала*, а старый Моррисон пробурчал: «Хм, явился, и, как всегда, с последней кукушкой». И добавил что-то про татя в ночи. Соломон внешне был весь радушие – но не ему было обмануть меня: он просто маскировал свое разочарование тем, что я встал между ним и Элспет. Это почти примирило меня с путешествием: в каком-то смысле оно было дь-ски неудобным, и сам я вряд ли бы с легким сердцем вернулся на Восток, но так хотя бы моя ветреная пташка окажется под присмотром. Поразмыслив, я пришел к выводу, что это и послужило главной причиной моего отъезда, а вовсе не Тигг или герцог – с середины Ла-Манша их фигуры не казались и вполтину такими страшными, как прежде, – и решил извлечь все возможное из круиза, который, кстати, обещает оказаться весьма приятным.

В этом я мог положиться на Соломона, не поскупившегося на оснащение своего брига «Королева Сулу». Судно было самое современное, приводимое в движение винтом, с двумя мачтами для хода под парусами и с трубой, смещенной далеко назад, так что вся передняя часть палубы, отведенная для нас, оказывалась свободной от клубов дыма, улетавшего за корму и черным облаком стелющегося за нами. Каюты наши, напротив, располагались на корме, подальше от трюмного смрада, и там все было по первому разряду: дубовая мебель с изогнутыми ножками, персидские ковры, отделанные панелями переборки с картинами акварелью, туалетный столик с зеркалом, при виде которого Элспет захлопала в ладоши, китайские ширмы, великолепный хрусталь и шикарный бар с напитками, механические вентиляторы и двуспальная кровать с шелковым бельем не хуже, чем в лучших публичных домах Нового Орлеана. «Отлично, – думаю я, – это лучше, чем „жариться на решетке“⁴⁶. Мы тут будем как дома».

Прочая обстановка была под стать: салон, в котором мы обедали, не оставлял желать лучшего по части еды, напитков и обслуживания – даже старый Моррисон, канючивший с тех самых пор, как согласился поехать, сразу успокоился, стоило подать первый наш «морской обед». Тесть даже улыбнулся, чего я не видал со времени, как он в последний раз урезал зарплату своим рабочим. Соломон проявил себя радушным хозяином, стараясь предупредить малейшее наше желание: первую неделю он даже специально держался у берега, чтобы мы могли обрести «морские ноги»⁴⁷. Перед Элспет же вообще раболепствовал: когда выяснилось, что она забыла дома туалетную воду, он высадил ее горничную в Портсмуте с поручением доехать до Лондона и ждать нас в Плимуте. Обходился он с нами по-королевски, ей-богу, и не смущался перед расходами.

Только две мелочи вносили для меня разлад в эту роскошную идиллию. Первая – команда: в ее составе не было ни одного белого. Когда я взбирался накануне вечером на борт, мне помогали два ухмыляющихся желторожих мерзавца в бушлатах и без башмаков; я обратился к ним на хинди, но они только оскалили коричневые клыки и затрясли голо-

⁴⁵ Первая поставка австралийских лошадей, вывозимых через Сингапур фирмой «Бойд и К^о», на самом деле имела место не ранее 20 августа 1844 года. Это были первые из знаменитых «валлийцев» (названных так в честь Нового Южного Уэльса) Индийской армии. (*Комментарии редактора рукописи*).

⁴⁶ То есть путешествовать на корабле Ост-Индской компании. – *Примеч. Дж. М. Ф.*

⁴⁷ То есть навык ходить по палубе во время качки.

вами. Соломон пояснил, что это малайцы; помимо них на борту есть несколько арабов, служащих механиками и кочегарами, но ни одного европейца, за исключением шкипера – довольно неприветливого лягушатника, в шевелюре которого угадывалась примесь негритянской крови. Последний обедал в своей каюте, и мы его почти не видели. Меня эта желтая команда не слишком заботила, но все-таки я предпочитаю слышать на баке голоса британцев или янки – так как-то спокойнее. Как ни крути, Соломон был торговцем с Востока и сам полукровка, так что это, видимо, было вполне естественно. К тому же они у него ходили по струнке и от нас держались на расстоянии, за исключением узкоглазых стюардов, молчаливых и вышколенных по первому разряду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.